БЕЗ СОХРАНЕНИЙ

ПЯТЬ ПРОТИВ ДВАДЦАТИ ПЯТИ

АЛЕКСАНДР ФРОСТ

Без сохранений

Александр Фрост

Без сохранений. Пять против двадцати пяти

«Автор»
2026

Фрост А.

Без сохранений. Пять против двадцати пяти / А. Фрост — «Автор», 2026 — (Без сохранений)

Саша Гальцев, чемпион мира по космическим стратегиям, засыпает в отеле после финала — и просыпается на мостике линкора. В чужом теле, с чужим именем и чужими коленями, которые хрустят.Тело принадлежит генералу флота, которого накануне отравили за излишнюю честность. Его флот бросили на убой: пять тысяч кораблей против двадцати пяти. Покровитель сбежал, прихватив оба танкера. До боя тридцать три часа.В игре здесь была бы кнопка загрузки. Её нет. За каждую ошибку платят люди — поимённо, с фамилиями, возрастом и адресом матери в соседней колонке.Зато у героя есть то, чего нет у имперских адмиралов. Все флоты Империи воюют по единому Уставу-ядру, и потому предсказуемы до последнего манёвра. А он видит в Уставе не закон, а код: со статьями, багами и точками входа. Инженер против системы, которую сорок лет никто не пробовал на прочность.Одна беда. Напротив стоит пиратский тактик, не проигравший ещё ни одного сражения...

© Фрост А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать три часа 5
Глава 2. Патчноут 13
Глава 3. Тиль дышит 20
Глава 4. Штатная функция 27
Глава 5. Ночной патч 35
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Без сохранений. Пять против двадцати пяти

Глава 1. Тридцать три часа

Сначала был голос.

— Командующий. Командующий, вы меня слышите?

Женский, низкий, очень ровный. Таким тоном уговаривают человека отойти от края крыши. Я хотел ответить, что слышу, но язык лежал во рту тяжело и неудобно, будто его одолжили на время. Щекой я упирался во что-то холодное и рифлёное. Пахло нагретым пластиком, озоном и почему-то пережжённым кофе.

Я открыл глаза. Прямо перед носом была решётка металлического пола, а за ней чёрный ботинок, начищенный так, что в нём отражалась лампа. Над ботинком начиналась серая штанина с тонким белым кантом.

«Так, — подумал я. — Это не отель».

Отель я помнил хорошо. Финал закончился в начале второго ночи, кубок оказался тяжелее, чем выглядел на трансляциях, и я полчаса носил его по коридорам, потому что не мог придумать, куда его поставить. Потом был душ, банка энергетика, которую я зачем-то открыл перед сном и не допил, и кровать. Я лёг, уставился в потолок и подумал, что утром надо бы позвонить маме. На этом всё.

— Генерал, не вставайте. Медик уже идёт.

Генерал. Я всё-таки попробовал подняться, и колени хрустнули. Оба сразу, громко, с таким звуком, будто кто-то наступил на пакет с чипсами. Стало неловко, как в тихом лифте, когда у тебя бурчит в животе. Я замер на четвереньках и посмотрел на свои руки.

Руки были не мои.

Свои руки я знаю лучше, чем собственное лицо. Узкие запястья, длинные пальцы, мозоль на ребре правой ладони от мыши, ногти, обгрызенные на полуфинале. А эти были широкие и тяжёлые, с тёмными волосками на тыльной стороне и короткими крепкими пальцами. Через всю кисть левой руки тянулся старый белый шрам, ровный, как от ножа. На безымянном пальце сидело массивное кольцо из тусклого серого металла с выдавленным знаком: глаз в треугольнике.

Я сжал кулак. Чужие пальцы послушно сжались.

— Генерал.

Я поднял голову. Надо мной стояла хозяйка начищенного ботинка — высокая сухая женщина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и лицом, на котором ничего не отражалось. На воротнике у неё блестели две серебряные полоски. Что они означают, я не имел ни малейшего понятия.

— Вы четыре минуты не дышали, — сказала она тем же ровным голосом. — Медик говорит, сердце. Я приказала не объявлять по флоту.

— Правильно, — сказал я.

И чуть не прикусил язык. Голос тоже был чужой. Мой обычный, немного высокий, на стримах меня иногда принимали за школьника. А этот звучал низко, с хрипотцой, как у человека, который много лет курил, потом бросил, но голос его так и не простил.

Женщина кивнула, словно именно этого ответа и ждала, и протянула руку. Я взялся за неё и встал. Колени хрустнули ещё раз, уже потише. В пояснице кольнуло. Тело оказалось большим и плотным — не толстым, нет, просто широким в плечах и тяжёлым, килограммов на тридцать тяжелее, чем я привык. Меня качнуло, и она, не меняясь в лице, придержала меня за локоть.

Только тогда я огляделся.

Зал был круглый, метров сорок в поперечнике. Ярусами, как в амфитеатре, вниз спускались рабочие места: кресла, полукруглые пульты, над каждым свой небольшой экран. В центре, в углублении, висела сфера света размером с двухэтажный дом. Внутри неё медленно плыли точки, линии, полупрозрачные кольца. Я понял, что это, раньше, чем успел подумать: звезда в центре, орбиты, пояс обломков, значки у дальнего края. Карта системы. Лучше любой, которую я видел в играх.

И люди. Человек шестьдесят, может, больше, все в одинаковой серой форме. Все смотрели на меня. Когда я повернул голову, они почти одновременно опустили глаза к пультам, но я успел заметить, как именно они смотрели. Не с жалостью. С тревогой. Так пассажиры смотрят на водителя автобуса, который на секунду задремал за рулём.

«Ладно, — подумал я. — Допустим, это презентация. Спонсоры. Новая виртуальная реальность, тебя усыпили и подключили, чтобы ты потом записал восторженный ролик».

Глупо, и я сам это понимал. Ни одна виртуальная реальность не умеет так ныть в пояснице. Но мозгу нужно было за что-то держаться, и он держался за что мог.

Есть правило, которое я вывел лет в пятнадцать: в любой новой игре первые десять минут ты молчишь и смотришь интерфейс. Не жмёшь кнопки, не лезешь в бой. Смотришь, что где лежит, кто как реагирует, какие цифры меняются. Новички сразу бегут что-то делать. Чемпионы сначала смотрят.

Я решил смотреть.

Через ярус к нам уже спускался молодой парень с плоским серым кейсом. Он открыл кейс, приложил мне к шее что-то холодное. Прибор пискнул.

— Давление сто семьдесят на сто десять, — пробормотал он. — Пульс сто двенадцать. Генерал, вам нужно в медотсек. Сейчас.

— Через час, — сказал я.

«Сейчас» означало уйти отсюда, а я ещё ничего не понял. Медик посмотрел на седую женщину. Та едва заметно качнула головой: не спорь.

— Через час, — несчастным голосом повторил медик и вколол мне что-то в плечо прямо через ткань. — Это собьёт давление. Если начнёт темнеть в глазах, сразу садитесь.

Он ушёл. Женщина осталась.

И тут прямо у меня в голове, безо всякого звука снаружи, кто-то сказал:

«Командующий, рекомендую сесть. Ваш пульс всё ещё выше нормы на сорок процентов. Кроме того, на вас смотрит весь мостик».

Я дёрнулся. Женщина рядом даже бровью не повела, значит, она ничего не слышала. Голос был мужской, совсем не тот, что звал меня с пола. Спокойный, без особых интонаций, но и не механический. Так мог бы разговаривать очень вежливый бухгалтер.

Я опустил взгляд. На левом запястье у меня был широкий тёмный браслет с узкой полоской экрана. По экрану бежали мелкие значки, а в углу горела надпись: «СЕИВ-7».

Мой мозг, который двадцать лет читал игровые интерфейсы, прочитал её по-своему.

— Сейв? — сказал я вслух. Тихо, почти шёпотом.

«Слушаю, командующий».

Мне захотелось рассмеяться. Отличная шутка: в месте, где непонятно, что происходит, со мной разговаривает «Сейв». Я не рассмеялся. Седая женщина смотрела на меня очень внимательно, и что-то подсказывало, что смеяться сейчас не стоит.

— Пойдёмте к креслу, генерал, — сказала она.

«Ваше кресло — верхний ярус, сектор ноль, — подсказал голос. — Справа от вас лестница».

Я пошёл к лестнице. Колени, к счастью, больше не хрустели, но на четвёртой ступеньке сердце застучало где-то в горле, и я пожалел, что не сел сразу.

Кресло командующего стояло над залом, как судейская вышка над теннисным кортом. Широкое, жёсткое, с подлокотниками, в которые были встроены панели. Я сел. Отсюда сфера была видна целиком, и это было, честно говоря, красиво. Я смотрел на неё секунд десять, пока не поймал себя на том, что машинально ищу глазами мини-карту в углу и кнопку паузы.

— Сейв, — сказал я, стараясь не шевелить губами. — Ты слышишь меня, если я говорю шёпотом?

«Я слышу вас, если вы говорите про себя, командующий. Нейроинтерфейс. Губами шевелить не обязательно, хотя вы всегда шевелите».

Ага. Я всегда шевелю. Значит, был какой-то «я», который всегда шевелил губами, и этот искин знал его привычки.

«Дай сводку, — подумал я, стараясь думать чётко, словами. — Общую. По обстановке».

Если бы мне в ту минуту сказали, что это самая важная команда в моей жизни, я бы не поверил. Я просто сделал то, что делаю в начале любой партии: открыл окно состояния.

«Принято. Обстановка на двенадцать сорок по стандартному времени флота.

Система Кальдера. Объединённый флот Кальдеры в составе пяти тысяч двенадцати вымпелов находится на стоянке у планеты Тиль, на высокой орбите над луной Ирис.

В девять двадцать у Дальнего узла зафиксирован массовый выход из прыжка. Вольные флотилии Разлома. Подтверждено двадцать четыре тысячи девятьсот сорок сигнатур, выход продолжается. Ориентировочно двадцать пять — двадцать шесть тысяч кораблей. Противник формирует походный порядок».

Я посмотрел на сферу. У дальнего её края, рядом с маленькой голубой точкой, — видимо, тем самым узлом, — копилось что-то красное. Уже не отдельные отметки, а облако, как пыль в солнечном луче.

«Пять против двадцати пяти», — подумал я. Без всякого выражения. Просто цифры.

«Уточнение: пять тысяч двенадцать против приблизительно двадцати пяти тысяч, — поправил Сейв. — Соотношение один к четырём целым девяти десятым».

«А где… — Я запнулся. Я не знал, о чём спрашивать. Кто здесь главный? Кто, кроме меня? — Где остальное командование?»

«Командующий Объединённым флотом, наследник рода Арден Лорис Арден, в десять ноль пять убыл через Северный узел с четырьмястами вымпелами отряда сопровождения. Цель убытия — запрос подкреплений в столице сектора. Командование флотом передано заместителю командующего. То есть вам».

Я прокрутил это в голове дважды. В десять ноль пять. Пираты вышли из прыжка в девять двадцать. Через сорок пять минут наследник рода Арден решил, что за подкреплением ему нужно лететь лично. И прихватил четыреста кораблей.

«Каких кораблей?»

Сейв помолчал, наверное, долю секунды.

«Все шесть линейных кораблей проекта „Колосс“, сорок тяжёлых крейсеров рода Арден, оба флотских танкера, носитель „Высокий берег“ с авиакрылом и отряд лёгких скоростных кораблей прикрытия. По боевой ценности — около восемнадцати процентов флота».

Он забрал самое сильное, самое быстрое и всё топливо, которое не было залито в баки. Если бы я так поступил с союзником в командной игре, меня бы выкинули из клана в тот же вечер.

«Мы можем уйти за ним? Тем же узлом?»

«Нет. Прохождение четырёхсот вымпелов единым пакетом исчерпало ёмкость узла. Узел в фазе восстановления. Расчётное время до открытия — пятьдесят девять часов двенадцать минут».

Вот теперь я почувствовал что-то похожее на холод. Не страх ещё. Скорее то, что чувствуешь, когда смотришь на карту от случайного генератора и понимаешь, что старт тебе выпал безнадёжный. Одна дверь, и за ней враг. Вторая дверь заперта на двое с половиной суток.

И, знаете, мне это понравилось.

Стыдно признаваться, но так было. Внутри щёлкнуло то самое, что щёлкало на каждом турнире, когда мне доставался плохой расклад. Пять против двадцати пяти. Выхода нет. Хорошо. Интересно. Сценарий для тех, кто умеет. Губы сами собой поползли в улыбку, а мысли уже бежали дальше: где у нас ресурсы, где выгодные точки, какая у противника скорость…

«Сейв. Выдели мне один наш корабль. Любой, самый маленький. Покажи подробно».

Мне нужно было понять, какие у меня юниты. В игре я бы просто кликнул.

Одна из точек в сфере вспыхнула белым и приблизилась, будто сфера шагнула мне навстречу. Узкий тёмный корпус, похожий на наконечник копья. Сбоку побежали строчки.

«Корвет „Лисса“, проект „Стриж-4“. Девятнадцать лет в строю. Вооружение: две лёгкие батареи, четыре пусковые установки малых торпед. Экипаж: тридцать один человек».

«Покажи экипаж».

Сам не знаю, зачем я это попросил. Наверное, потому что в играх у юнитов не бывает экипажа. Бывает полоска здоровья.

Строчки сменились. Список, тридцать одна фамилия, у каждой маленькая фотография. Капитан-лейтенант Нель Оррен, тридцать четыре года. Старший механик Дан Ашби, пятьдесят один год. Механик второго класса Тамми Вест, двадцать лет.

На ней я задержался. На фотографии она была коротко стрижена, вся в веснушках, и улыбалась так, будто фотограф только что сказал ей что-то смешное. Под снимком стояло: «Родной мир: Ирис. Ближайший родственник: мать. Ирис, Нижний Порт».

Ирис. Луна, над которой мы висим.

Я нашёл её в сфере. Над тускло-рыжим шаром Тиля плыла маленькая серая луна, и на освещённой её стороне можно было различить россыпь огоньков. Города. Один из них, наверное, Нижний Порт.

«Сейв, сколько человек на Ирисе?»

«Четыре миллиона двести тысяч по последней переписи».

«А на флоте? Всего, на всех пяти тысячах кораблей».

«Пятьсот восемьдесят шесть тысяч триста человек».

Улыбка куда-то пропала. Я даже не заметил когда.

Я вдруг очень ясно почувствовал всё сразу. Как ноют колени. Как липнет к спине форма, потому что я вспотел на лестнице. Как пахнет на мостике пластиком, людьми и горелым кофе. Как гудит глубоко под полом что-то огромное, двигатели или реактор. Ни одна игра так не умеет. И ни одна игра не стала бы прописывать маму механика второго класса Тамми Вест из Нижнего Порта.

На сон это тоже не было похоже. Сны не бывают такими подробными и такими скучными.

«Сейв, — подумал я, и даже в мыслях это прозвучало жалко. — Загрузи последнее сохранение».

Пауза.

«Уточните запрос, командующий. Какие данные загрузить?»

Я закрыл глаза.

Никаких данных. Никакого сохранения. Я сидел в кресле человека, которого не знал, в теле, которое мне не принадлежало, и под моим командованием было больше полумиллиона людей, которых через полтора дня начнут убивать. Перезапуска не будет. Выхода в меню не будет. Если я ошибусь, механик второго класса Тамми Вест не появится через тридцать секунд на базе с полной полоской здоровья.

— Генерал.

Я открыл глаза. Седая женщина стояла у края кресла. Я не слышал, как она поднялась.

— Вам нехорошо, — сказала она. Это был не вопрос.

«Начальник штаба флота коммандер Ирма Кастен, — сказал Сейв, будто прочитав мою растерянность. Может, и прочитал. — Девять лет служит под вашим командованием».

Девять лет. Значит, этого генерала она знает лучше, чем я сам знаю себя последние двадцать минут.

— Нормально, — сказал я. — Голова кружится.

— Тогда идите в каюту. — Кастен понизила голос так, чтобы слышал только я. — Генерал, при всём уважении. Флот уже знает, что наследник ушёл. Если флот узнает, что командующий падает на мостике, начнётся то, что вам не понравится. Лягте на час. Я подержу мостик. Если что-то изменится, вызову.

Разумно. Настолько, что я почувствовал к ней что-то вроде благодарности.

— Хорошо, — сказал я. — Час.

Я встал, на этот раз осторожнее, и только тогда сообразил, что не знаю, где моя каюта.

«Выход за вашей спиной, — тут же сказал Сейв. — Коридор налево, вторая дверь. Откроется по браслету».

В коридоре было пусто, только у поворота стоял молодой матрос с планшетом. Увидев меня, он вытянулся и коснулся двумя пальцами виска. Я кивнул — коротко, как кивнул бы человек, которому некогда. Матрос, кажется, остался доволен. На стене за его спиной крупными буквами было выведено: «Линейный корабль „Терпение“. Флагман».

Флагман называется «Терпение». Если у этого мира есть автор, чувство юмора у него своеобразное.

Каюта оказалась маленькой. Я ждал чего-то генеральского: дерева, ковров, может, бара с бутылками. Ничего такого. Узкая койка, заправленная так туго, что на одеяле можно было играть в карты. Стол, вмонтированный в стену. Шкаф. Раковина. Над раковиной зеркало.

К зеркалу я подошёл не сразу. Постоял у двери, привалившись к ней спиной, подышал. Лекарство медика действовало: сердце уже не прыгало в горле, а стучало где положено.

Потом подошёл.

Из зеркала на меня смотрел незнакомый мужчина за сорок. Широкое лицо, тяжёлый подбородок, нос когда-то был сломан и сросся с лёгкой кривизной. Короткие тёмные волосы, на висках седина. Глубокие складки от носа к углам рта. Глаза серые, усталые, с красными прожилками. Над левой бровью маленький шрам. Лицо человека, который много лет недосыпал и ни разу в этом никому не признался.

Я поднял правую руку. Он поднял левую. Я скривился. Он скривился тоже, и вышло у него очень естественно: похоже, это лицо привыкло кривиться.

— Ну привет, — сказал я ему.

Он, конечно, промолчал. Зато ответил другой.

«Командующий, пульс снизился до девяноста четырёх. Рекомендую лечь хотя бы на двадцать минут».

Тот же мужской голос, спокойный и совершенно чужой. Из зеркала на меня смотрел незнакомый мужик, а изнутри черепа говорил ещё один. Двое посторонних мужиков на одного меня. Для первого дня многовато.

«Сейв. Твой голос можно поменять?»

«Голосовой профиль настраивается владельцем. Вы не меняли его одиннадцать лет».

Одиннадцать лет с заводскими настройками. О человеке, в чьём теле я сидел, это говорило больше, чем рапорт.

«Покажи варианты».

Перед глазами развернулся список. Два стандартных профиля, мужской и женский, под ними десятка три дополнительных: «Строевой», «Нейтральный», «Успокаивающий (для меди-

цинских модулей)». Менять можно было высоту, тембр, темп и даже возраст. И тут внутри наконец шевельнулось что-то знакомое. Двадцать лет я настраивал под себя всё, до чего дотягивались руки: мышь, интерфейс, горячие клавиши, цвет союзников на карте. В любой новой игре я первым делом лез в настройки.

«Женский, — подумал я. — Только не как у Кастен. Моложе и светлее. Чтобы я с полуслова понимал, кто говорит: она снаружи или ты внутри».

«Принято. Желаете прослушать?»

Я перебрал штук пять. Один был слишком сладкий, как у автоответчика в банке. Другой звенел. На шестом остановился: негромкий, ясный, чуть с хрипотцой, и даже на голых цифрах в нём пряталась еле заметная усмешка. Так говорила ассистентка в одной старой стратегии, в которую я играл лет в десять. «Постройка завершена». «Наша база атакована».

«Этот. Темп чуть быстрее. Всё».

«Так лучше, командующий?»

Голос прозвучал у меня в голове, и я невольно выдохнул. Будто кто-то открыл форточку в душной комнате.

«Намного».

«Сейв. Сколько мне лет?»

«Сорок пять стандартных лет, командующий. Через двадцать три дня исполнится сорок шесть».

Сорок пять. А мне двадцать восемь. Было двадцать восемь. Или есть. Я не знал, как теперь правильно.

«Как меня зовут? Полностью».

Короткая пауза.

«Александр Галактионов. Генерал флота. Род Галактионовых, младшая ветвь великого рода Корсен. Позвольте заметить, командующий: вы задаёте необычные вопросы».

Александр. Меня тоже зовут Александр. Саша Гальцев, ник Galt; на турнирах комментаторы иногда произносили его как «Галт», и я никогда не поправлял. Тёзка. И почти однофамилец. Я бы засмеялся, если бы мог. Вышло что-то вроде короткого фырканья.

«У меня был приступ, — подумал я, стараясь, чтобы это звучало убедительно. — Память путается. Временно. Медик сказал, такое бывает».

«Медик этого не говорил, — вежливо возразила Сейв. — Но я принимаю вашу версию к сведению».

Голос сменился, а характер остался прежним. Вежливая и дотошная, как главный бухгалтер, которая найдёт пропавшую копейку в отчёте за пять лет.

Я сел за стол, потому что ноги всё-таки подрагивали. Поверхность стола ожила, засветился экран. На нём был открыт документ, недописанный.

«Генеральному инспектору флота сектора Корсен. Рапорт. Довожу до вашего сведения, что в ведомостях снабжения Объединённого флота Кальдеры за последние два квартала мною обнаружены расхождения, которые не могут быть объяснены ошибкой учёта. По документам флот получил…»

Дальше шли цифры. Топливо, боекомплект, запасные контуры щитов. Много цифр, аккуратно сведённых в таблицы. Я машинально пробежал глазами одну колонку и почувствовал знакомый профессиональный зуд: таблицы были составлены хорошо, с перекрёстными проверками, с итогами, которые сходились. Тот, кто это писал, умел считать и не ленился.

Под таблицами была одна недописанная строка: «Ответственность за указанные поставки несёт канцелярия командующего флотом, лично…»

И всё. Курсор мигал после слова «лично».

«Когда я это писал?»

«Вчера, с двадцати трёх до часу ночи. Рапорт вы не отправили. Сказали, что допишете утром, после разговора с наследником».

«Разговор был?»

«Да. В восемь тридцать, в каюте наследника, без свидетелей. Доступа к содержанию у меня нет. На мостик вы вернулись в восемь пятьдесят. В девять двадцать пришло сообщение о выходе противника. В одиннадцать сорок вы потеряли сознание».

Я посмотрел на недописанное «лично», потом на кольцо на своём пальце. Глаз в треугольнике. Герб, наверное. Род Корсен или его младшая ветвь, Галактионовы, которые, судя по всему, были в этом мире кем-то вроде бедных родственников.

Честный генерал пишет рапорт о том, что из флота воруют. Утром идёт поговорить с тем, кто ворует. Через сорок минут после разговора приходят пираты. Ещё через сорок пять тот, кто ворует, улетает за подкреплением. А ещё через полтора часа честный генерал падает на мостике и четыре минуты не дышит.

Я не детектив. Я программист и игрок. Но у нас это называется «слишком много совпадений в одном патче». Обычно это значит, что кто-то из разработчиков сделал так нарочно.

«Сейв. Что со мной случилось в одиннадцать сорок? Подробно».

«Вы стояли у сферы. Сказали: „Ирма, проверь дистанцию до передового…“ — и не договорили. Упали. Сердечная деятельность остановилась на три минуты пятьдесят секунд. Медик провёл реанимацию. Дыхание восстановилось, через двадцать секунд вы пришли в сознание».

Три минуты пятьдесят секунд. Где-то в эти минуты, в номере отеля на другом краю — чего? Вселенной? Времени? — я лёг на кровать и уставился в потолок.

Додумывать эту мысль я не стал. Было ощущение, что если начну, то сяду на пол и уже не встану.

Вместо этого я спросил то, что спросил бы в начале любой незнакомой игры:

«Сейв. Что ты умеешь?»

«Я личный искин командующего. Держу связь с искинами всех кораблей флота, обрабатываю данные сенсоров, строю прогнозы, рассчитываю манёвры, перевожу ваши приказы в формат, который понимают корабельные искины. Ограничен Уставом-ядром, редакция четырнадцать-три».

«А решения? Ты можешь сам решить, как вести бой?»

«Нет, командующий. Искин считает, человек решает. Вы задаёте замысел, цель и допустимый риск. Я и корабельные искины подбираем исполнение в рамках Устава. Если замысел плохой, исполнение всё равно будет точным. Просто бой будет проигран».

То есть отличный контроль юнитов и никакой стратегии. Руки без головы. Я встречал игроков, которые так играли. Обычно я у них выигрывал.

«А что такое Устав-ядро?»

На этот раз пауза была заметно длиннее.

«Командующий, вы сдавали аттестацию по Уставу-ядру одиннадцать раз. Последний раз восемь месяцев назад, с высшим баллом по флоту».

«Сейв, — подумал я как можно спокойнее. — Представь, что я его забыл. Целиком. Что тогда?»

«Тогда я рекомендовала бы вам немедленно явиться в медотсек и передать командование коммандеру Кастен».

Честно. Я оценил.

«А если я этого не сделаю?»

«Тогда я рекомендовала бы прочитать Устав-ядро. Тысяча сто сорок статей, девять приложений. При вашей обычной скорости чтения — около шести часов».

Шесть часов. Я покосился в сторону, будто там могли висеть часы, и вспомнил, что не знаю главного.

«Сейв. Сколько у нас времени? Когда они до нас дойдут?»

«Противник завершает построение. При стандартной для флотилий Разлома походной скорости расчётное время до контакта с передовыми силами — тридцать три часа сорок минут. Плюс-минус два часа».

Тридцать три часа. Полтора дня, чтобы разобраться, как устроены этот мир, этот флот, этот Устав, это тело и этот искин. В игре на такое отводится обучение. Обучение я обычно пропускаю.

Где-то на краю сознания шевельнулась трусливая и очень здравая мысль: сделай, как она советует. Иди в медотсек. Скажи, что ничего не помнишь. Отдай флот женщине, которая девять лет им управляла. Она знает здесь каждую кнопку, а ты не знаешь даже, что означают две полоски у неё на воротнике.

Я подумал об этом честно, секунд десять. Потом подумал о недописанном «лично». О человеке, который знал, что из флота воруют, и успел сказать об этом только одному человеку — тому, кто воровал. О том, что этого человека, кажется, больше нет, а его место занял я, и что, если я сейчас лягу в медотсек, никто даже не узнает, что здесь вообще что-то случилось.

И ещё о том, что Кастен — хороший начальник штаба. Наверняка хороший. Но пять против двадцати пяти по правилам не выигрываются. А по правилам она будет играть обязательно.

«Хорошо, — подумал я. — Поставь таймер. Так, чтобы я всё время его видел».

На краю зрения, в правом нижнем углу, проступили бледные цифры: 33:40:00. Потом 33:39:59. Я невольно усмехнулся. Ровно там у меня на мониторе всегда висели часы.

«Таймер установлен, — сказала Сейв. И, помолчав, добавила: — Командующий, разрешите ещё одно замечание».

«Давай».

«Вы назвали меня Сейв. И сменили мне голос».

Я замер.

«За одиннадцать лет совместной службы, — продолжила она новым голосом, с той самой еле заметной усмешкой, — вы не сделали ни того, ни другого. Вы всегда звали меня Седьмым».

Цифры в углу глаза сменились: 33:39:41.

Глава 2. Патчноут

— Мне так удобнее, — сказал я вслух.

Ничего лучше в голову не пришло. Я сидел за столом в чужой каюте, смотрел на цифры в углу глаза и пытался понять, насколько сильно только что прокололся.

«Принято, — ответила Сейв. — Обе смены зафиксированы в журнале».

«А журнал кто читает?»

«Я. В случае служебного расследования — инспекция флота. В случае гибели командующего — комиссия Совета Двенадцати».

«Утешила».

«Утешать вас не входит в мои задачи, командующий».

Я потёр лицо ладонями. Щетина колола пальцы, кожа на скулах была грубая, обветренная, хотя где здесь можно обветриться, я не представлял. Ладно. Сейв что-то заподозрила и всё запишет. Но докладывать ей пока некому: Совет далеко, инспекция ещё дальше, а единственный человек, которому положено было слушать доклады, улетел за подкреплением.

Значит, у меня есть время. Немного, но есть.

«Открывай Устав, — подумал я. — Только не с первой статьи. Сначала оглавление. Потом определения. Потом всё, что касается боя».

«Вы обычно читали подряд».

«Я теперь читаю по-другому».

Так я читаю правила любой новой игры. Никто в здравом уме не изучает документацию с первой страницы. Сначала смотришь, из каких частей она состоит. Потом ищешь, как авторы определяют базовые понятия, потому что все баги живут в определениях. Потом читаешь то, что тебе нужно прямо сейчас. Остальное потом, если доживёшь.

Экран на столе развернулся во всю ширину. Слева побежало оглавление, справа текст. Я придвинулся ближе и начал.

Первые статьи оказались ровно такими, как я ожидал. Устав-ядро — единственная основа поведения боевых искинов Империи. Приказ, противоречащий Уставу, искином не исполняется. Командующий задаёт замысел, цель и допустимый риск, искин выбирает исполнение. Всё это я уже слышал от Сейв, только здесь оно было написано тяжёлым канцелярским языком, с пунктами и подпунктами. Кто-то очень старался, чтобы ни одна фраза не допускала двух толкований. Получилось у него примерно так же, как у всех, кто когда-либо писал техническое задание.

«Сейв, кто это составляет?»

«Текст Устава утверждает Совет Двенадцати. Техническую реализацию ведёт род Талмир. Любое изменение проходит согласование всех двенадцати родов. Текущая редакция — четырнадцать-три, утверждена в прошлом году».

«А что изменилось в последней редакции?»

«Показать перечень изменений?»

«Да».

Список был длинный. Я пролистал его, потом вернулся к началу и стал читать уже внимательно, потому что это было лучшее, что мне показали за весь день.

«Статья 212. Предельная дальность стрельбы торпед класса „Жало“ уменьшена на четыре процента. Основание: ходатайство рода Северин».

«Северин — это кто?» — спросил я.

«Род Северин производит щиты и силовые поля для всего флота Империи».

Я хмыкнул. Производитель щитов попросил порезать торпеды конкурента, и ему порезали. В игре это называлось бы нерфом по просьбе одной фракции. На форумах за такое разработчиков ели бы неделю.

«Статья 618, пункт 3. Слово „немедленно“ заменено на „без неоправданной задержки“. Основание: ходатайство рода Дамел».

«А это что меняет?»

«Сроки исполнения приказов о снабжении. Род Дамел отвечает за топливо и снабжение флота».

Логисты выбили себе право опаздывать. Официально. Через Совет Двенадцати. Мне начинал нравиться этот мир, хотя бы как объект для изучения: всё в нём было устроено ровно так, как устроено в любой большой корпорации, только вместо отделов были великие рода, а вместо регламентов — Устав, от которого зависело, кто выживет в бою.

«Приложение 7. Шаблон построения „Сфера“ признан устаревшим и исключён из рекомендованных. Основание: решение комиссии по итогам сражения у Вельде».

Это я отметил. Шаблон убрали после конкретного сражения. Значит, у Вельде с этой «Сферой» что-то пошло очень плохо.

Дальше я читал больше двух часов. Сейв подсвечивала статьи, о которых я спрашивал, показывала схемы, а иногда, не дожидаясь вопроса, выводила короткие пояснения. Кажется, она уже поняла, что я ничего не помню, и решила не тратить время на удивление. Я был ей за это благодарен.

К исходу второго часа у меня сложилась картина. Не полная, но рабочая.

Каждый корабль Империи, от корвета до линкора, управлялся искином, а каждый искин работал на одном и том же ядре. Ядро определяло всё: как корабль держит строй, как выбирает цель, когда отступает, кому подчиняется. Капитан мог отдавать приказы своему искину, командующий мог отдавать приказы всем. Но любой приказ проходил через ядро, и если ядро говорило «нет», приказ просто не исполнялся.

Это давало флоту потрясающую слаженность. Пять тысяч кораблей могли перестроиться за минуты, без единой ошибки, без паники, без того, чтобы кто-нибудь перепутал фланги. Ни один человеческий штаб так не сможет.

И это делало флот предсказуемым. Полностью. Если ты знал Устав, ты знал, что сделает любой имперский флот в любой ситуации.

«Сейв, а Устав секретный?»

«Полный текст имеет гриф. Но его основные положения изучаются во всех военных академиях Империи. Кроме того, за последние двадцать лет пираты Разлома захватили не менее четырёхсот имперских кораблей с работающими искинами».

То есть не секретный. Совсем.

Я встал, прошёлся по каюте — три шага туда, три обратно, больше не позволяла ширина, — и попросил Сейв дать состояние флота. Устав Уставом, а воевать придётся тем, что есть.

Цифры оказались хуже, чем я надеялся, но лучше, чем боялся. Пять тысяч двенадцать вымпелов, из них сорок восемь линейных кораблей, двести десять тяжёлых крейсеров, шестьсот сорок крейсеров, полторы тысячи фрегатов, две с лишним тысячи корветов и немного вспомогательных судов. Боекомплект — семьдесят два процента от нормы. Топливо — сорок один.

«Сорок один? Почему так мало?»

«Флот три недели стоял у Ириса и должен был пройти дозаправку с танкеров. Дозаправку перенесли. Оба танкера ушли с наследником».

«Перенесли по чьему приказу?»

«По приказу канцелярии командующего флотом».

Я вспомнил таблицы в недописанном рапорте. Топливо там стояло первой строкой.

«Что значит сорок один процент на практике?»

«Флот может совершить один крупный манёвр на высокой скорости или несколько мелких. Длительное преследование или отрыв от противника невозможны. При рассредоточении флота по системе топливо закончится у большинства лёгких кораблей в течение двадцати — тридцати часов».

Значит, бегать мы не можем. Хорошо, что я узнал это сейчас, а не на совещании.

Потом я сделал то, что делаю всегда, когда сталкиваюсь с новой системой правил: попросил Сейв прогнать простые сценарии. Два флота, ровное поле, один стреляет в другого. Что происходит, если убить корабль на краю строя. Что происходит, если убить флагман. Как искины выбирают, в кого стрелять. Сейв гоняла симуляции, я смотрел, и примерно на пятой у меня внутри снова щёлкнуло.

«Стоп. Повтори последнюю. Медленно».

На экране два маленьких флота сходились лоб в лоб. Синие стреляли в красных. Я смотрел, куда уходят синие трассы.

«Почему они все бьют в одну цель?»

«Статья 340. Огонь сосредоточивается на целях в порядке убывания угрозы. Угроза рассчитывается по массе цели, мощности её энергетической сигнатуры и дистанции».

«То есть самый большой и самый яркий корабль получает первым?»

«Как правило, да».

«А если сделать маленький корабль ярким? Повесить на него что-нибудь, что светится на сенсорах, как линкор?»

Пауза.

«Корабельные искины перераспределят огонь на него. Пока не получат подтверждения, что цель ложная. Обычно на это уходит от тридцати до девяноста секунд».

Тридцать — девяносто секунд, когда весь вражеский строй лупит в пустую мишень. В бою на таких дистанциях это очень много.

Я попросил вторую симуляцию. Потом третью. Через полчаса у меня в голове лежал короткий список, и я на всякий случай попросил Сейв его записать, чтобы не забыть.

Первое: искины стреляют по самому заметному. Их можно обмануть приманкой.

Второе: когда строй теряет корабли, искины закрывают бреши симметрично, чтобы сохранить геометрию построения. Если выбить несколько кораблей на одном фланге, сдвигается весь строй. Его можно тянуть, как скатерть со стола.

Третье: если флагман замолкает, командование переходит к следующему по старшинству. Но новый командующий должен подтвердить свои полномочия перед искином каждого корабля, а пока подтверждения нет, корабли выполняют последний полученный приказ. Сорок секунд, когда флот не умеет думать и только повторяет то, что делал.

Четвёртое: экипажи живут по циклам. Каждые сутки треть экипажа спит, и Устав прямо запрещает поднимать её без объявления боевой тревоги. А тревогу объявляют только при подтверждённой угрозе.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на список. Четыре строчки. Четыре дыры в системе, через которые можно пролезть.

Это было приятное чувство. Я хорошо знаю его по турнирам. Ты смотришь на новую карту, на новый баланс, и вдруг видишь то, чего не видят другие: вот здесь можно срезать, вот это работает не так, как написано. Сердце начинает биться быстрее, хочется немедленно проверить, хочется в бой. Я улыбался и даже не стал с этим бороться. В конце концов, в каюте никого не было.

«Сейв, а Полуночник — кто это?»

Имя мне попалось в одной из сводок, мельком, рядом со словами «вольные флотилии Разлома». Я не обратил на него внимания, а теперь оно всплыло.

«Пиратский флотоводец. Подлинное имя неизвестно. Предположительно командует армадой, которая сейчас находится у Дальнего узла. За последние три года разбил три имперских флота».

«Покажи».

Сейв показала.

Первое сражение — у Вельде, два года назад. Имперский флот, девять тысяч кораблей, против семи тысяч пиратов. Имперцы стояли в той самой «Сфере», которую потом убрали из Устава. Я смотрел запись в ускоренном режиме. Пираты не атаковали сферу целиком. Они ударили узким клином в одно место, быстро, не считаясь с потерями, и через восемнадцать минут после начала боя флагман имперского флота замолчал. Сорок секунд имперские корабли продолжали выполнять последний приказ: держать строй и вести огонь по ближайшим целям. За эти сорок секунд клин прошёл сквозь сферу и развернулся внутри неё. Дальше смотреть было неинтересно.

Второе — у Хорна, полтора года назад. Имперский флот шёл к планете, пираты шли навстречу. По расчётам имперского штаба, до контакта оставалось восемь часов. Пираты пришли через пять. Они шли, отключив почти всё, что могло их выдать, и ударили в середине ночного цикла, когда треть экипажей спала, а тревога ещё не была объявлена, потому что угроза ещё не была подтверждена.

Отсюда и прозвище, догадался я. Полуночник. Он приходит, когда вы спите.

Третье — у Сариса, восемь месяцев назад. Имперский флот, уступавший пиратам в силах, сделал всё по Уставу: занял укрытие в поясе астероидов на пути противника. Запись обрывалась на сороковой минуте, когда передача с флагмана прекратилась. В отчёте комиссии было написано: «Противник имел точные сведения о расположении флота». Больше ничего.

Я досмотрел до конца и долго сидел молча.

Он видел то же, что увидел я. Приоритет целей, передачу командования, ночной цикл. Он видел это давно и пользовался этим много раз, хладнокровно и точно, как хирург пользуется анатомией. Четыре строчки в моём списке, которыми я так гордился полчаса назад, были для него азбукой.

Я не нашёл баги. Я их просто заметил. А он ими живёт.

Улыбаться больше не хотелось. Хотелось понять, что ещё он видит такого, чего пока не вижу я.

«Сейв. Когда совещание?»

«Вы не назначали совещания».

«Тогда назначь. Через двадцать минут. Все, кто положено».

«Начальник штаба, офицер связи, командиры дивизий и капитаны линейных кораблей. Дивизии на голосвязи, остальные лично или по связи. Принято».

Зал совещаний был рядом с мостиком: длинный стол, кресла с высокими спинками, на дальней стене тот же вид системы, что и в сфере, только плоский. Когда я вошёл, там уже были люди. Кастен стояла у торца стола, рядом с ней невысокий худощавый мужчина с аккуратно зачёсанными волосами, офицер связи. Над столом висели в воздухе полупрозрачные фигуры — командиры дивизий, которые подключились со своих кораблей.

«Справа от Кастен — коммандер Тевис Мору, офицер связи флагмана, — тихо сказала Сейв. — Голограммы слева направо: коммодор Беллан Ойст, вторая линия, ставленник рода Дамел. Коммодор Рейна Вейр, лёгкие силы, род Вейр. Далее командиры третьей и четвёртой дивизий, вы с ними общаетесь редко. В дальнем конце, во плоти, капитан Аурел Брандт, линейный корабль „Тессера“. Он всегда прилетает лично».

Брандт сидел, а не стоял. Это был худой, совсем лысый старик, с тяжёлыми руками на столе и таким лицом, будто ему очень давно всё объяснили и с тех пор ничего нового не появилось. Когда я вошёл, он поднялся. Поднялись все, даже голограммы.

«Вы обычно не садитесь до конца совещания, — добавила Сейв. — И начинаете без вступлений».

Хорошо. Без вступлений я умею.

— Садитесь, — сказал я и, не подумав, сел сам. Колени сказали мне спасибо. Кастен едва заметно приподняла бровь. — Ситуацию все знают. Мне нужны предложения. Коротко.

Голограмма Ойста чуть наклонилась вперёд. Коммодор был полный, гладко выбритый мужчина с мягким голосом, которым хорошо уговаривать клиентов.

— Генерал, буду говорить прямо, — начал он. — Я посчитал. Соотношение пять к одному. Флот без танкеров и без ударного ядра. Если мы дадим бой, мы потеряем всё. Если не дадим, есть варианты. Вольные флотилии живут выкупом, это все знают. Два года назад флот у Нарвы капитулировал на условиях выкупа. Корабли были выкуплены родами в течение года, экипажи отпущены через три месяца. Потери — ноль. Я не предлагаю сдаваться сразу. Я предлагаю открыть канал и узнать условия.

— А Ирис? — спросил я.

— Ирис заплатит контрибуцию. Это неприятно, но колония переживёт. Они берут ресурсы, а не людей.

«Сейв. Колония у Нарвы. Что с ней стало?»

«Нарва-3. После капитуляции флота население за год сократилось на сорок один процент. Около трети вывезено на рынки Разлома, остальные погибли или бежали. Колония закрыта в прошлом году».

Ойст, конечно, знал это не хуже моего искина. Просто «потери — ноль» он считал по флоту.

— Понятно, — сказал я. — Дальше.

Вейр не стала ждать, пока её попросят. Даже в голограмме было видно, что она из тех, кто терпеть не может сидеть. Молодая, лет под сорок, с резкими движениями и короткими тёмными волосами, которые торчали так, будто она их стригла сама.

— Сдаваться я не буду, генерал, это вы и так знаете, — сказала она. — Драться в лоб тоже нельзя, нас перемелют. Предлагаю рассредоточить флот. Тридцать — сорок групп по стодвести кораблей, разводим по системе. Они не смогут гоняться за всеми сразу. Держимся до открытия Северного узла и уходим через него. Сколько дойдёт, столько дойдёт.

— Узел откроется через пятьдесят семь часов, — сказала Кастен. — Противник будет здесь через тридцать один. Двадцать шесть часов прятаться по системе от двадцати пяти тысяч кораблей. При сорока одном проценте топлива.

— Сократить манёвр, лечь в дрейф…

— Лёгкие корабли опустошат баки за двадцать часов. Тяжёлые продержатся дольше, но их видно с другого конца системы.

— У тебя есть вариант лучше? — резко спросила Вейр.

Кастен не ответила. Она посмотрела на меня. Ждала, видимо, что я скажу.

А я в этот момент думал о том, что обе они правы. Ойст прав: если мы дадим бой по правилам, нас перемелют. Вейр права: стоять на месте и ждать — смерть. И Кастен права: бегать нам не на чем. Каждый из них видел свою часть поля, и каждый честно предлагал лучший ход из тех, что видел.

— Капитан Брандт, — сказал я. — Ваше мнение.

Брандт пошевелил тяжёлыми руками на столе.

— Моё мнение, генерал, что я старый и на «Тессере» у меня тысяча восемьсот человек, — сказал он медленно. — Я сделаю то, что вы скажете. Вы ещё ни разу не говорили глупостей. Не начинайте сегодня.

По залу пробежало что-то похожее на смешок. Даже Вейр фыркнула.

— Коммандер Мору? Связь?

Офицер связи слегка подался вперёд. У него был приятный негромкий голос и манера смотреть прямо в глаза.

— Связи со столицей сектора нет, генерал. Все наши ретрансляторы работают через Северный узел, а он закрыт. Можно попробовать пустить сигнал через Дальний, но там противник. Я подготовлю пакет для штаба сектора: обстановка, решение командующего, позиции флота. Отправлю, как только узел откроется. — Он помолчал. — Для этого мне хотелось бы как можно раньше знать, где вы планируете принять бой. Чтобы штаб понимал, куда направлять помощь.

— Пока не решил, — сказал я.

Мору кивнул и что-то отметил у себя на планшете.

Я встал. Говорить такое сидя не хотелось. Колени, к счастью, промолчали.

— Значит, так, — сказал я. — Сдаваться мы не будем. Коммодор Ойст, я понимаю ваш расчёт, но на Нарве после капитуляции через год не осталось почти половины жителей. Вы это знаете. Флот выкупят, а Ирис никто выкупать не станет. Четыре миллиона двести тысяч человек. Это наш берег, мы здесь для того и стоим.

Ойст чуть поджал губы, но промолчал.

— Рассредоточиваться тоже не будем, коммодор Вейр. Коммандер Кастен права, у нас нет топлива, чтобы играть в прятки сутки. А главное, если мы разбежимся, Ирис останется без флота через час после их прихода. Сколько бы наших потом ни дошло до узла, Ирис мы этим не спасём.

— Значит, бой, — сказала Вейр. Не вопросом. С каким-то странным удовлетворением.

— Значит, бой. Но не тот, о котором вы подумали.

Я посмотрел на изображение системы на стене. Красное облако у Дальнего узла уже вытянулось в длинную походную колонну.

— Двадцать пять тысяч — это не двадцать пять тысяч линкоров. Сколько у них тяжёлых кораблей, коммандер Кастен?

— По предварительной оценке, около тысячи двухсот. Остальное — лёгкие рейдеры, абордажные суда, носители дронов, трофейные корабли разных проектов.

— Вот. Это не армия. Это толпа, которая пришла за добычей. Они живут выкупом и грабежом. Им нужна не победа, им нужна прибыль. Каждый потерянный корабль для них — убыток, и каждый капитан там это понимает. Если бой окажется для них слишком дорогим, если с каждым часом убыток будет расти, а добыча не будет приближаться, они начнут считать. А когда пираты начинают считать, они уходят.

— Полуночник не уходит, — тихо сказала Кастен.

— Полуночник командует. А деньги считает каждый капитан у него в строю. Наша задача — не уничтожить их. Нам это не по силам. Наша задача — сделать этот бой для них невыгодным. Они пришли фармить, а мы…

Я осёкся. Вейр смотрела на меня с недоумением.

— Что пришли?

— Грабить, — сказал я. — Старое словечко. Из детства.

«На Корсене такого слова нет», — заметила Сейв.

Я сделал вид, что не услышал.

— Мы сделаем так, чтобы грабить здесь было дорого. Где и как — решу в ближайшие часы. Сейчас мне нужно следующее. Коммодор Вейр, разведка. Все зонды, какие есть, по всем подходам: пояс, Тиль, орбиты Ириса. Мне нужно видеть, куда они идут и кто идёт первым. Коммандер Кастен, полная ревизия боекомплекта и топлива по кораблям, не по дивизиям, а по каждому кораблю. Коммодор Ойст, вторая линия готовит план прикрытия Ириса на случай прорыва. Капитан Брандт, останьтесь после совещания, мне нужно с вами поговорить. Всем

остальным — ротация экипажей, отдых по сменам. Перед боем люди должны выспаться. Это приказ, не пожелание.

— А если они придут в ночной цикл? — спросила Вейр. — Как у Хорна?

Я посмотрел на неё. Хороший вопрос. Неприятный, но хороший.

— Тогда они нас не застанут спящими, — сказал я. — Над этим я тоже подумаю.

Совещание кончилось быстро. Голограммы погасли одна за другой. Мору ушёл первым, коротко попрощавшись. Брандт тяжело поднялся и сказал, что подождёт в коридоре, ему надо размять ноги. Я его понимал.

Кастен не ушла.

Она дождалась, пока за Брандтом закроется дверь, потом обошла стол и остановилась в двух шагах от меня. Не близко, но и не далеко. На том расстоянии, на котором удобно говорить так, чтобы никто больше не слышал.

— Генерал, — сказала она. — Разрешите вопрос не по уставу.

— Разрешаю.

— Что с вами случилось? В те четыре минуты.

— Сердце, — сказал я. — Медик же сказал.

— Медик сказал, что сердце остановилось. Медик не сказал, почему вы потом попросили у Седьмого сводку так, будто видите систему впервые. Я была рядом, генерал. Вы шевелили губами. Вы всегда шевелите, а я девять лет стою рядом с вами и давно читаю по ним.

Я молчал. Сейв тоже молчала, и в этом молчании мне почудилось что-то вроде сочувствия, хотя, конечно, это было просто молчание.

— И ещё, — продолжила Кастен. — Когда Ойст назвал цифру. Двадцать пять тысяч. Вы улыбнулись.

— Я не…

— Улыбнулись, генерал. Я служу с вами девять лет. Я видела вас при Кассене, когда мы потеряли «Ровную линию», и видела, когда умерла ваша жена. Вы не улыбаетесь цифрам. Никогда. Вы их боитесь. Поэтому вы лучший генерал, под чьим началом я служила.

Она помолчала.

— Я не знаю, что с вами произошло. Может быть, это лекарство. Может быть, приступ. Может быть, что-то ещё. Но если вы поведёте этот флот на смерть ради того, чтобы сыграть красивую партию, я вас остановлю. Любым способом, который допускает Устав.

Она коротко кивнула, как будто мы обсудили график дежурств, развернулась и вышла.

Дверь закрылась. Я остался в зале совещаний один, если не считать вежливой и дотошной Сейв у меня в голове.

«Сейв, — подумал я. — У меня была жена?»

«Да, командующий. Её звали Линн. Она умерла четыре года назад».

Цифры в углу зрения показывали 30:14:12.

Глава 3. Тиль дышит

Брандт ждал в коридоре, как и обещал. Он стоял у иллюминатора, сцепив руки за спиной, и смотрел наружу. Когда я подошёл, он не обернулся, только чуть сдвинулся, освобождая мне место рядом.

За толстым стеклом висел Тиль. Отсюда, с высокой орбиты, он занимал почти половину неба: огромный ржаво-рыжий шар, исчерченный полосами облаков. Полосы были разных оттенков, от светлой охры до тёмного, почти кирпичного, и они медленно, едва заметно для глаза, ползли каждая в свою сторону. На краю диска, где кончался свет, шло слабое зеленоватое мерцание. Как будто планета была обведена тонкой светящейся линией.

— Красивый, — сказал я. Сказал просто потому, что надо было с чего-то начать.

— Злой, — ответил Брандт. — Красивый тоже, не спорю. Но злой.

Он наконец посмотрел на меня. Глаза у него были светлые, водянистые, со складками в уголках.

— Вы хотели поговорить, генерал.

— Хотел. Мне сказали, вы служили здесь раньше.

Брандт поднял брови.

— Вам сказали? Генерал, вы же сами здесь со мной служили. Двадцать два года назад, патруль Кальдеры. Вы были лейтенантом на «Скромном», я — его старпомом. Полгода вокруг этой планеты. Забыли?

«Он прав, — сказала Сейв. — Шесть месяцев, сторожевик „Скромный“. Я не упомянула, потому что вы не спрашивали».

Очень вовремя, подумал я. Спасибо, главбух.

— Не забыл, — сказал я. — Двадцать два года, капитан. Я тогда был мальчишкой и смотрел только на приборы. А вы смотрели на планету. Мне нужно то, что видели вы.

Брандт хмыкнул. Кажется, ответ его устроил. Он снова повернулся к иллюминатору.

— Видите зелёное по краю?

— Вижу.

— Это магнитосфера. У Тиля она огромная. Больше, чем у любой планеты, на которой я бывал, а бывал я много где. И она неспокойная. Тиль дышит. Каждые пять часов пятьдесят минут, плюс-минус несколько минут, из него будто выходит воздух. Вспышка по всей магнитосфере. Минут сорок после этого вблизи планеты сенсоры видят сплошную белую пелену. Связь тоже ложится, если ты внутри.

— Сорок минут полной слепоты?

— Не полной. Если ты стоишь далеко, видишь пятно. Большое светлое пятно на месте планеты. А что в пятне — нет. Искины эту пелену не любят. Считают помехой и вырезают. Для них в эти сорок минут у Тиля просто ничего нет.

Я смотрел на зелёную каёмку и чувствовал, как внутри опять что-то начинает разгоняться. Я уже знал это чувство. Я попытался его придержать. Получилось плохо.

— А сам колодец? — спросил я. — Гравитация?

— Тиль тянет, — сказал Брандт. — Это второе, что про него надо знать. Масса у него страшная. Если войти в колодец глубоко и на скорости, обратно выходить дорого, жжёшь топливо, как на пожаре. А если входить с умом, по касательной, он тебя сам разгонит. Мы раньше так делали. Ныряли к нему, огибали и выходили с другой стороны вдвое быстрее, чем входили. Без единого лишнего грамма топлива.

— Мы — это патруль?

— Мы — это патруль. А до нас контрабандисты. — Брандт усмехнулся одним уголком рта. — Помните Хейла?

Я, разумеется, не помнил.

«Контрабандист Дорен Хейл, — тут же подсказала Сейв. — Задержан патрулём Кальдеры двадцать два года назад».

— Помню, — сказал я. — Но расскажите. Я хочу услышать, как это было с вашей стороны.

— Да как. Полгода мы гонялись за ним по всей системе. Знали, что он здесь, а найти не могли. А он сидел в магнитосфере. Лёг в дрейф, заглушил всё, что можно заглушить, и висел в зелёной каше на низкой орбите. Мы десятки раз проходили мимо. Искины его не видели, а мы смотрели на искины. Нашли его, только когда у него кончился воздух и он сам запросил помощь. — Брандт покачал головой. — Вы тогда сказали одну вещь. Я запомнил.

— Какую?

— Вы сказали: если бы я был контрабандистом, я бы тоже здесь прятался. Мне тогда показалось, что это дерзость. Мальчишка, лейтенант. А потом я думал: нет, правильно сказал.

Я помолчал. Человек, в чьём теле я стоял, двадцать два года назад смотрел на эту планету и думал то же самое, что сейчас думаю я. Это было странное чувство. Немного жуткое. И немного обнадёживающее, как будто у меня в команде оказался ещё один игрок, о котором я не знал.

— Капитан, — сказал я. — Спасибо. Это очень важно.

— Знаю, — сказал Брандт. — Иначе вы бы меня не оставили.

Он отлепился от иллюминатора и неторопливо пошёл к шлюзу, где его ждал челнок. Через несколько шагов обернулся.

— Генерал. «Тессера» старая. Я тоже. Если понадобится кого-то поставить в самое неудобное место, ставьте нас. Мы своё отслужили.

Я не нашёлся что ответить. Он, кажется, и не ждал. Ушёл.

На мостике было тише, чем утром. Люди работали, переговаривались вполголоса, но той тревоги, которую я видел после приступа, больше не было. Наверное, весть о совещании уже разошлась: командующий жив, командующий отдаёт приказы, значит, всё идёт как положено. Я поднялся в кресло, и в этот раз колени промолчали.

Сфера за прошедшие часы изменилась. Красное облако у Дальнего узла вытянулось в длинную колонну и медленно поползло внутрь системы. Впереди колонны двигались мелкие отметки: пиратские разведчики. Навстречу им от Тиля уже уходили наши зонды, десятки голубых искорок, которые Вейр разбрасывала веером по всем направлениям.

Это был туман войны. Самый настоящий, без кавычек. В игре его рисуют серой пеленой на карте, и всё, что под пеленой, ты не видишь, пока туда не придёт твой юнит. Здесь пелены не было, но смысл был тот же. Мы видели колонну, потому что она была огромная и яркая. Но то, что шло перед ней, сбоку от неё, или то, что вообще не включало двигатели, мы видели плохо или не видели вовсе. И они нас — точно так же.

«Сейв, — подумал я. — Покажи мне систему так, как будто я собираюсь в ней защищаться. Только главное».

Сфера послушно убрала лишнее.

Звезда Кальдера, оранжевый карлик, в центре. Довольно далеко от неё Тиль со своей свитой лун. Ирис — вторая от планеты, крупнее остальных. Дальше, между орбитой Тиля и Дальним узлом, широкое кольцо из обломков — пояс Щебень. Колонна пиратов шла к нам через этот пояс или мимо него, другого пути у неё не было.

«Устав что-нибудь говорит о таких ситуациях?»

«Приложение четыре. Оборона планетарного объекта меньшими силами. Рекомендуется занять укрытие на пути противника, используя естественные препятствия, — пояса обломков, облака пыли, — либо занять ближнюю орбиту обороняемого объекта под прикрытием его наземной и орбитальной обороны».

«А что обычно выбирают командующие?»

«В восьмидесяти трёх процентах задокументированных случаев — укрытие на пути противника».

Пояс. Конечно, пояс. Он лежал как раз между узлом и Ирисом, он был огромный, в нём можно было спрятать флот в десять раз больше нашего, и каждый курсант военной академии знал, что делать с таким поясом. Это была очевидная позиция. Позиция, которую подсказывает правило.

Я смотрел на Щебень и думал о записи из Сариса. Имперский флот сделал всё по Уставу. Занял укрытие на пути противника. И сорок минут спустя флагман перестал передавать.

Кастен поднялась ко мне, держа в руке планшет.

— Ревизия по кораблям, генерал. Предварительная. Хуже, чем по дивизиям. Сорок один процент — это среднее. У двух сотен корветов меньше тридцати. У трёх крейсеров второй линии баки почти пустые: они отдавали топливо соседям перед уходом наследника, потому что им так приказали.

— Кто приказал?

— Канцелярия командующего флотом.

Я кивнул. Это уже не удивляло.

— Ирма, — сказал я. Имя вырвалось само. Последними словами прежнего Галактионова перед тем, как он упал, были «Ирма, проверь дистанцию». Значит, он звал её так. — Если бы ты была Полуночником, куда бы ты ударила?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. После разговора в зале совещаний между нами что-то натянулось, тонкое и звенящее, как струна. Но работу она делала. Хороший начальник штаба делает работу.

— Если бы я была им, я бы ждала, что мы встанем в Щебне, — сказала она. — И сделала бы всё, чтобы в Щебне нас и встретить.

— Тогда в Щебне мы не встанем.

— Тогда остаётся ближняя орбита Ириса. Там нас окружат и задавят числом. У нас пять тысяч кораблей, генерал, у них двадцать пять. На ближней орбите манёвра нет. Мы будем стоять и умирать по очереди, а они будут обстреливать нас со всех сторон.

— Есть третий вариант.

Я показал на Тиль.

Объяснять пришлось долго. Кастен слушала молча, только иногда задавала короткие вопросы, всегда точные и всегда неприятные. Потом подключилась Вейр, со своего корабля, голограммой у края кресла. Она слушала с нетерпеливым интересом и раз пять меня перебила.

План, если говорить коротко, был такой. Флот уходит от Ириса и ныряет в магнитосферу Тиля. Не к самой планете, а на средние орбиты, с той стороны, которая будет обращена от подходящей колонны. Там флот ложится в холодный дрейф. Двигатели заглушены, активные сенсоры выключены, связь только по узкому лучу, и то в крайнем случае. Мы становимся контрабандистом Хейлом, только в пять тысяч раз больше.

Пираты приходят и не находят нас в Щебне. Не находят на орбите Ириса. Они видят флот, который ушёл. Куда? Может, к узлу. Может, рассредоточился. Им придётся искать, а пока они ищут, они растягиваются. А Ирис — вот он, беззащитный, с четырьмя миллионами человек и складами. Добыча, к которой они шли. Колонна потянется к Ирису. Ирис висит на орбите Тиля. Колонна подойдёт к Тилю.

И в этот момент Тиль выдохнет.

Сорок минут белой пелены. Искины пиратов, если они хоть немного похожи на наши, вырежут её как помеху, и в этом вырезанном пятне будет сидеть наш флот. Мы выходим из колодца по касательной, Тиль сам разгоняет нас, без лишнего топлива, и мы бьём им во фланг.

Не в лоб. Не на ближней орбите, где нас окружат. А в бок длинной колонны, которая уже повернула к добыче и ждёт чего угодно, кроме удара из-за планеты.

— Это не победа, — сказал я, закончив. — Это первый удар. Но первый удар на наших условиях. А дальше видно будет.

— «Дальше видно будет» — это не план, генерал, — сказала Кастен.

— Это лучше, чем «дальше нас убьют». У нас сейчас других планов нет.

Вейр смотрела на сферу, где Сейв по моей просьбе прогоняла схему: голубые отметки уходили к Тилю, гасли, красная колонна тянулась к Ирису, белое пятно вспыхивало, голубые отметки выныривали из него. Схема была грубая. Но смотреть на неё было приятно.

— Мне нравится, — сказала Вейр. — Наглая вещь. Ойсту не понравится.

— Ойсту не обязательно.

Кастен молчала дольше всех. Потом сказала:

— Время. Выдох раз в пять пятьдесят. Противник приходит примерно через двадцать девять часов. Мы должны поймать выдох ровно в тот момент, когда они подойдут к Тилю. Если они придут на час раньше или на час позже, мы будем сидеть в дрейфе, а они будут стоять у Ириса и жечь города.

— Значит, надо, чтобы они пришли вовремя, — сказал я. — Это отдельная задача. Я над ней подумаю.

Она посмотрела на меня ещё раз, долго, и наконец кивнула. Не согласилась. Просто признала, что спорить сейчас бессмысленно.

— И ещё одно, — сказала она. — Ирис. Мы уходим, а он остаётся открытым. Даже если всё пойдёт по вашей схеме, они подойдут к луне раньше, чем мы ударим. Час, может, два. Что будет в эти два часа?

— Что есть у Ириса? Своя оборона?

— Тридцать орбитальных платформ и наземные батареи у трёх крупных городов, — ответила она сразу, не заглядывая в планшет. — Против рейдеров продержатся. Против тяжёлых кораблей недолго.

— Значит, людям нужно уйти под землю. Сейчас, а не когда начнут стрелять.

— Губернатору это не понравится. Он двое суток просит, чтобы флот встал прямо над Нижним Портом.

— Соедини меня с ним.

Губернатор Ириса оказался немолодым полным человеком с мешками под глазами. Судя по виду, он не спал с тех пор, как пираты вышли из узла. За его спиной было окно, и в окне шёл дождь. Я почему-то не ожидал, что на Ирисе бывает дождь.

Я сказал ему коротко: флот уходит с орбиты, это часть плана, объяснить подробнее по открытой связи не могу. Всем жителям — в убежища. Всем, начиная с этой минуты. Склады не охранять, порты не оборонять, никаких ополчений.

Он долго молчал.

— Вы нас бросаете, генерал, — сказал он наконец. Без злости. Устало.

— Нет. Мы будем рядом. Но первые часы вам придётся продержаться самим.

— Сколько часов?

Я мог бы сказать «два». Это было бы правдой по схеме. Но схема была нарисована за десять минут, а пираты ещё не вышли из пояса.

— Не знаю, — сказал я. — Спрячьте людей. Сделайте это хорошо. Тогда у меня будет время.

Он кивнул, не глядя на меня, и отключился. Я ещё некоторое время смотрел туда, где было его лицо. Вспомнилась фотография с веснушками и строчка под ней: «Мать. Ирис, Нижний Порт». Убежища там, наверное, есть. Я надеялся, что есть.

«Сейв, на Ирисе хватит убежищ на всех?»

«Убежища рассчитаны на три миллиона восемьсот тысяч человек. Губернатор подавал запрос на расширение два года назад. Запрос отклонён советом сектора по бюджетным соображениям».

Четыреста тысяч человек. Я записал это туда же, куда записывал всё остальное, — в ту часть головы, где лежала недописанная строчка про «лично». Разбираться буду потом. Если будет потом.

Я снова повернулся к сфере. Чем быстрее флот уйдёт к Тилю, тем больше времени останется на всё остальное.

«Сейв. Рассчитай развёртывание. Весь флот, кроме лёгких сил разведки, уходит к Тилю, на средние орбиты, ночная сторона относительно колонны. Вход по касательной, с минимальным расходом. Переход в холодный дрейф к моменту, когда противник выйдет из Щебня. Отключение двигателей, активных сенсоров и связи с сетью флота. Связь — только узкий луч по моему приказу. Готовь приказ».

Пауза.

Она тянулась дольше обычного. Сейв всегда отвечала почти мгновенно, а сейчас я успел заметить, что пауза есть, успел удивиться и успел встревожиться.

«Приказ не может быть исполнен, командующий».

«Что?»

«Статья девятнадцать Устава-ядра. В зоне боевых действий корабль флота обязан поддерживать непрерывную связь с сетью флота и вести активное сканирование пространства. Отключение средств связи и активных сенсоров в зоне боевых действий запрещается. Статья двадцать. Запрещается выводить корабли флота за пределы зоны устойчивой связи с флагманом. Магнитосфера Тиля во время выдоха является зоной неустойчивой связи. Приказ противоречит обеим статьям. Корабельные искины его не примут».

Я сидел и смотрел на сферу. Голубые отметки на схеме всё ещё уходили к Тилю, гасли и выныривали. Красивая анимация. Бесполезная.

«Сейв, я командующий».

«Да, командующий. Вы задаёте замысел в рамках Устава. Этот замысел за его рамками».

«А если я прикажу лично? Тебе? Каждому кораблю?»

«Результат будет тот же. Ни один искин флота не исполнит приказ, противоречащий ядру. Я тоже».

Я повернулся к Кастен. Она уже поняла, что случилось, по моему лицу или, может, Сейв вывела ей что-то на планшет.

— Девятнадцатая, — сказала она. — Да. Я хотела сказать, но вы так рассказывали…

— Почему? — спросил я. — Зачем вообще такая статья? Флот прячется, это нормально, так воюют все. Почему корабль не может просто выключить сенсоры?

Кастен посмотрела на меня странно. Так смотрят на человека, который спрашивает, почему вода мокрая.

— Распря родов, генерал. Сорок лет назад. Командующий рода Остран увёл свой флот в молчание, а через неделю вышел на связь уже под гербом Ирдов. Восемьсот кораблей перешли к другому роду, и никто не успел даже понять, где они. После Распри Совет Двенадцати внёс девятнадцатую и двадцатую статьи. С тех пор любой корабль Империи всегда виден сети. Всегда. Чтобы ни один флот больше не мог уйти к другому роду.

То есть статья защищала Совет не от пиратов. Она защищала его от собственных генералов. Чтобы никто не выключил свет и не унёс мебель.

В играх это называется античит. Разработчики ставят защиту, чтобы игроки не жульничали, и эта защита иногда ломает честную игру. Самое смешное, что жулики обычно находят обход за неделю, а честные игроки годами ходят с этой защитой и страдают. Пираты свои искины ядром не ограничивали. Им девятнадцатая статья не мешала. Мешала она только нам.

«Сейв. Как получить исключение? Разрешение на временное отступление от Устава?»

«Подаётся заявка в комиссию Совета по Уставу. Требуются подписи представителей не менее трёх великих родов. Срок рассмотрения — до сорока суток. Ближайшее заседание комиссии — через двадцать шесть дней».

Я закрыл глаза.

«Сформировать заявку?»

«Сформируй».

Я не знаю, зачем я это сказал. Наверное, из того же упрямства, из-за которого иногда пишешь в техподдержку игры, хотя точно знаешь, что тебе ответят через месяц шаблонным письмом. Перед глазами развернулась форма. Номер флота. Номер статьи. Описание запрашиваемого отступления. Обоснование срочности — не более четырёхсот знаков. Подписи представителей родов: три пустых поля.

Обоснование срочности. Четыреста знаков. Двадцать пять тысяч пиратов будут здесь через двадцать девять часов, а у меня четыреста знаков, чтобы объяснить комиссии, которая соберётся через двадцать шесть дней, почему это срочно.

Я свернул форму, не заполнив её.

«Медотсек запрашивает вас в третий раз, командующий», — сообщила Сейв.

«Позже».

«Медик просил передать, что результаты анализа крови готовы и он хотел бы обсудить их лично».

«Позже, Сейв».

Я снова открыл Устав. Девятнадцатую статью, целиком. Если стена стоит у тебя на пути, нужно сначала изучить стену. Я делаю так всегда. Любое правило написано людьми, а люди, которые пишут правила, не могут предусмотреть всего. Они пишут для тех ситуаций, которые могут себе представить. Остальное ускользает.

Статья девятнадцать была длинной. Пункт первый — общее требование. Пункт второй — что считать зоной боевых действий. Пункт третий — что считать непрерывной связью.

Пункт четвёртый.

«Требования настоящей статьи не распространяются на корабли, находящиеся в аварийном режиме, а также на корабли, выполняющие ремонтный протокол, предусматривающий отключение соответствующих систем».

Я перечитал это трижды.

«Сейв. Что такое аварийный режим?»

«Режим работы корабля при критических повреждениях. Искин переводит корабль в аварийный режим автоматически, когда датчики фиксируют повреждения, угрожающие жизни экипажа или целостности корпуса».

«А можно перевести вручную?»

«Только при подтверждении датчиками. Искин не переведёт корабль в аварийный режим, если датчики не фиксируют повреждений».

«А ремонтный протокол?»

«Запускается по решению капитана или командующего. Требует наличия неисправности, зафиксированной в журнале технического состояния».

То есть искин сверяется с датчиками. А датчики говорят ему, что корабль цел. А искин верит датчикам, потому что это его собственные датчики, и потому что зачем им врать.

Я сидел и думал. Пять тысяч кораблей. Пять тысяч искинов, каждый из которых верит своим датчикам. Пять тысяч журналов технического состояния.

Кастен стояла рядом. Я не заметил, как долго она там стоит и смотрит на меня, на мой экран, на подсвеченный пункт четвёртый.

— Генерал, — сказала она тихо, чтобы не слышали внизу. — То, о чём вы думаете, называется подлог. Внесение ложных данных в журналы технического состояния флота. По Уставу это трибунал. Без вариантов.

— Пока я только читаю, Ирма.

— Вы улыбаетесь, генерал.

Я перестал улыбаться. Это оказалось труднее, чем я думал.

В этот момент сфера мигнула. Внизу, на ярусе разведки, кто-то коротко выругался, и тут же прозвучал голос Вейр, уже не голограммой у кресла, а по общей связи мостика:

— Генерал, сорок второй зонд в Щебне. Потерян. Последние кадры к вам.

— Что значит «потерян»?

— Значит, его сбили, генерал. Внутри пояса. Там не должно быть никого, колонна ещё в восьми часах от Щебня.

Перед креслом развернулось изображение. Сначала серая каша: обломки, камни, пыль, всё, что видит камера зонда, пролетающего сквозь пояс. Потом картинка дёрнулась, зонд повернулся, и в просвете между двумя каменными глыбами, каждая размером с небольшой город, я увидел корпус.

Тёмный, вытянутый. Без огней. На борту что-то вроде знака: косой ломаный росчерк, будто молния или трещина. И за ним, в тени соседнего обломка, ещё один. И ещё.

Кадр погас.

«Анализ, — подумал я. — Быстро».

«Сигнатура — корабли вольных флотилий Разлома, — сказала Сейв. — Реакторы на минимальной мощности, двигатели холодные. По тепловым следам на соседних обломках — находятся на позиции не менее тридцати часов. Число по косвенным признакам — не менее двухсот, возможно больше. Расположение — внутренняя кромка пояса, сектор, наиболее удобный для размещения обороняющегося флота согласно Приложению четыре».

Не менее тридцати часов. Значит, они пришли сюда ещё вчера. Задолго до того, как основная армада вышла из Дальнего узла. Задолго до того, как наследник улетел. Пришли, легли в дрейф и стали ждать, когда к ним в объятия придёт имперский флот, который всё сделает правильно. По Уставу.

Им девятнадцатая статья не мешала.

— Вчера у нас было патрулирование Щебня? — спросил я, не оборачиваясь.

Кастен ответила не сразу.

— Патрулирование Щебня отменили три дня назад, генерал. По графику, утверждённому командующим флотом.

По графику наследника. Конечно.

Я смотрел на погасший кадр. Где-то там, в камнях, сидели двести кораблей, и каждый из них знал Устав не хуже меня. Наверное, лучше. Они знали, что я сделаю, ещё до того, как я сюда попал. Они знали, что сделал бы прежний Галактионов. И что сделал бы любой другой генерал Империи. Их и посадили туда, куда Устав посылает обороняющихся.

«Время до контакта с передовыми силами противника, — сказала Сейв, — двадцать восемь часов десять минут».

«Ошибаешься, — подумал я. — Контакт уже был. Просто нам о нём не сказали».

Глава 4. Штатная функция

Запись с сорок второго зонда мы пересмотрели одиннадцать раз.

На двенадцатый Сейв наложила поверх неё разметку: подсвеченные корпуса, номера, стрелки туда, где за камнями угадывались ещё отметки. Картинка получилась такая, что на мостике стало тихо.

«Двести четырнадцать корпусов подтверждено, — сказала она. — По теням и остаточному теплу на соседних обломках — ещё от шестидесяти до ста двадцати. Точнее не скажу. Зонд прожил девять секунд».

— Три сотни, — сказала Вейр.

Её голограмма стояла у подлокотника и смотрела на запись снизу вверх, как смотрят на доску в классе.

— Генерал, дайте мне двадцать зондов. Я пройду внутреннюю кромку гребёнкой и дам точное число за сорок минут.

— Нет.

— Почему нет?

Я не ответил сразу. Ответ ещё складывался.

Передо мной висела картинка, которую я видел сотни раз, только раньше она была нарисованной. Враг расставил силы на карте и не знает, что ты заглянул в его расстановку. Самое ценное в такой ситуации — не то, что ты увидел. Самое ценное то, что он не знает, что ты видел. Это преимущество живёт ровно до первого твоего движения. Как только ты начнёшь действовать так, будто знаешь, он поймёт, и всё закончится.

— Потому что двадцать зондов по кромке — это не разведка, — сказал я. — Это объявление. Через сорок минут у нас будет точное число, а у Полуночника будет точное знание, что мы это число получили. И он их оттуда снимет.

— И отлично, — сказала Вейр. — Триста кораблей вылезут из камней и встанут в общий строй. Одной засадой меньше.

— Одной засадой меньше и тремя сотнями стволов в колонне больше. Сейчас эти три сотни стоят холодные. Они не стреляют, не ищут нас, не прикрывают фланг. Это триста кораблей, которых у него как бы нет. Единственное место на доске, где мы впереди, — вот это. Я не собираюсь его разменивать на точную цифру.

Кастен стояла с другой стороны кресла, сложив руки на груди.

— Они там не навсегда, генерал, — сказала она. — Когда колонна войдёт в систему, они снимутся и ударят нам в спину.

— Снимутся, когда им скажут. Холодный дрейф означает молчание. Чтобы их поднять, нужен сигнал.

— Или назначенное время.

— Или назначенное время, — согласился я. — Значит, нам нужно либо увидеть сигнал, либо вычислить время. И то и другое возможно, если мы не спугнём их сегодня.

Голограмма Ойста, подключившаяся с опозданием, кашлянула.

— Генерал, простите. Но мы сейчас обсуждаем, как ловчее не смотреть на триста кораблей противника внутри нашей системы. Может быть, стоит сначала признать, что обстановка изменилась? Их не двадцать пять тысяч. Их двадцать пять тысяч, и три сотни из них уже у нас за спиной, и пришли они туда позавчера. Это значит, что нас ждали. Значит, план был готов заранее. Значит…

Он не договорил. Договаривать ему и не требовалось.

— Значит, кто-то им помог, — сказал я. — Да, коммодор. Я это понял примерно тогда же, когда и вы.

На мостике стало ещё тише. Внизу, на ярусах, никто не поднимал головы, но я спиной чувствовал, что слушают все.

— И что вы намерены с этим делать? — спросил Ойст.

— Выиграть бой. Остальным займусь после.

Это прозвучало жёстче, чем я хотел, и, судя по лицу Кастен, в самый раз. Ойст промолчал.

— Коммандер Мору.

Офицер связи подошёл к краю яруса и поднял голову. Он уже держал планшет наготове, как человек, который всегда держит планшет наготове.

— Данные с сорок второго зонда не идут в общую сводку флота, — сказал я. — Ни в суточную, ни в оперативную. Доступ — только присутствующие в этом разговоре.

Мору чуть заметно нахмурился.

— Генерал, статья шестьсот двадцать требует доводить сведения о контакте с противником до всех командиров соединений без неоправданной задержки.

— Без неоправданной. Задержка оправданна. Запишите, что так приказал я.

— Слушаюсь. — Он сделал пометку. — Разрешите уточнить для пакета штабу сектора: позиции в Щебне включать?

— Включать. Пакет всё равно уйдёт не раньше, чем через двое суток.

— Понял.

Он опустил голову к планшету. Ничего особенного в этом не было. Офицер связи обязан уточнять, что идёт в пакет, а что нет, это его работа. Я всё равно смотрел ему в затылок на секунду дольше, чем нужно, и заставил себя отвести взгляд.

— Коммодор Вейр. Зонды пускаем, но ровно столько, сколько пускали на этой неделе, и по тем же маршрутам. Если патрульная схема вчера обходила кромку стороной, пусть и сегодня обходит.

— Чтобы они думали, что мы слепые.

— Чтобы они думали, что мы обычные.

Вейр хмыкнула. Кажется, это был комплимент.

«Командующий, — сказала Сейв. — Медотсек запрашивает вас в четвёртый раз».

«Позже».

«Лейтенант Таш просил передать дословно: „Если он скажет позже, передайте, что я поднимусь на мостик и скажу это при всех“».

Я моргнул.

«Он так и сказал?»

«Дословно».

Я посмотрел вниз, на ярусы, на спины людей, на сферу с ползущей к нам красной колонной. Двадцать четыре часа с небольшим. И молодой лейтенант медслужбы, готовый подняться сюда и устроить сцену.

— Ирма, — сказал я. — Мостик на вас. Я вернусь через час.

Кастен не стала спрашивать куда.

Медотсек «Терпения» был большой, пустой и очень белый. Ряды свёрнутых коек, закрытые шкафы, запах того, чем пахнет во всех больницах всех миров, какие, видимо, бывают. Таш ждал у дальнего стола. Днём я его толком не рассмотрел: лет двадцать семь, светлые волосы, торчащие на макушке, слишком широкий для него халат.

Он встал, когда я вошёл, и сразу сел обратно. Потом снова встал.

— Садитесь, лейтенант, — сказал я. — И я сяду. Говорите.

Он сел. Положил перед собой планшет. Подвинул его ко мне, потом подтянул обратно, будто передумал.

— Генерал, — сказал он. — У вас в крови клотамид.

Слово мне ничего не сказало.

— Расшифруйте.

— Кардиомодулятор. Производство рода Луций. Нормальный, хороший препарат. Поддерживает сердце при недостаточности, снижает нагрузку на проводящую систему. — Таш говорил быстро, как человек, который много раз прорепетировал. — Он есть в стандартной корабельной аптеке. У нас в медблоке его девять флаконов. Он не запрещён, не контролируется отдельно и не числится ни в каком списке.

— Но?

— Но у вас нет недостаточности. У вас было здоровое сердце. А клотамид, если давать его здоровому человеку малыми дозами каждый день, накапливается в проводящей ткани. Месяц, полтора — и проводимость начинает плыть. Сначала незаметно. Потом даёт сбой.

— Сбой — это сегодня в одиннадцать сорок?

— Это был первый. — Он наконец пододвинул планшет и не стал его забирать. — Генерал, я посмотрел ваши старые анализы. Шесть недель назад концентрация была нулевая. Четыре недели назад — уже есть. Это не разовая доза. Это ровный график. Каждый день примерно одно и то же количество.

Я смотрел на кривую на экране. Она поднималась мягко и очень аккуратно, без скачков, как график нагрузки на хорошо спланированном сервере.

Красивая работа. Это была первая мысль, и мне стало неприятно от того, что она пришла первой.

Никто не проносил на борт яд. Яд уже лежал в медблоке, в списке разрешённых препаратов, между бинтами и обезболивающим. Никто не ломал защиту. Защиту и не требовалось ломать: всё было сделано штатными средствами, в рамках правил, с использованием функции ровно по её назначению. Просто применили её к тому, кому она не нужна.

Я двадцать лет читал чужой код. Самые опасные дыры никогда не выглядят как дыры. Они выглядят как возможность, которую кто-то оставил из лучших побуждений.

— Это не взлом, — сказал я вслух.

— Простите?

— Ничего. Дальше, лейтенант. Что меня ждёт.

Таш сглотнул.

— Концентрация продолжает расти. Препарат выводится медленно, период полувыведения около девяти суток, а поступление, судя по всему, не прекращалось. Следующий сбой будет тяжелее. Я не могу сказать точно, когда.

— Скажите неточно.

— Восемь суток. Может, четырнадцать. Может, пять, если будет большая нагрузка. — Он поднял на меня глаза. — Генерал, сердце уже сегодня стояло четыре минуты. Второй раз я могу не вытащить.

«Девять суток плюс-минус три», — подсказала Сейв.

«Хороший разброс, — подумал я. — Треть от значения. Я бы такой прогноз в продакшен не выпустил».

«Я тоже. Но других данных нет».

— Противоядие? — спросил я.

— Есть. Хелатор, тоже луцийский, связывает клотамид и выводит. Одна капельница, двое суток под наблюдением, и вы чистый.

— Отлично. Ставьте.

— У нас его нет.

Таш сказал это и замолчал, и я видел, чего ему стоило не отвести глаза.

— Почему нет?

— Потому что его применяют при отравлениях на производстве, а не на боевых кораблях. Во флотской аптеке его не держат. Ближайшее место, где он точно есть, — перевалочная станция рода Дамел в трёх часах хода от Ириса. Там медицинский склад сектора.

Станция. В трёх часах хода. За которыми через сутки будет двадцать пять тысяч пиратов.

— Запомним, — сказал я. — Теперь второй вопрос. Кто?

Таш опустил голову к планшету, и пальцы у него задрожали. Не сильно. Но я заметил.

— Я поднял журнал выдачи, — сказал он. — Клотамид выдавался из медблока порциями, двадцать девять раз за шесть недель.

— Кем?

— Мной.

Он положил руки на стол, ладонями вниз, будто боялся, что они опять задрожат.

— Код выдачи мой, генерал. Все двадцать девять раз. Я этого не делал. Я могу сказать это сто раз, и у меня не будет ни одного доказательства.

Я молчал.

Было бы красиво сказать, что я в ту секунду мгновенно всё понял и великодушно его простил. На самом деле я сидел и считал. Очень быстро, но считал.

Если травил он — то зачем он сейчас здесь. Он единственный, кто делал анализ. Он мог написать в карте «сердечная недостаточность, возрастное», закрыть дело и спокойно ждать второго приступа, который доделает работу. Никто бы не проверил. Никто бы и не подумал проверять: пожилой генерал, нагрузка, стресс, сердце. Он вместо этого четыре раза вызвал меня, пригрозил подняться на мостик и теперь сидит напротив, бледный, и сам показывает мне журнал, где стоит его код.

Так не поступают, когда прячут. Так поступают, когда боятся, что не поверят.

— Кто ещё знает ваш код? — спросил я.

— Никто. — Он подумал. — Старший врач, но он убыл с наследником. И канцелярия.

— Какая канцелярия?

— Канцелярия командующего флотом. У них административный доступ ко всем служебным кодам корабля. Они им не пользуются, это формальность, для проверок и отчётности…

Он осёкся, потому что до него дошло то же, что уже дошло до меня.

— Как препарат попадал в меня? — спросил я. — Я не хожу в медблок каждый день.

— Суточный комплект. — Таш говорил теперь очень тихо. — У вас с прошлого года назначение: препарат от давления, по одной капсуле утром. Комплект собирается на неделю вперёд, в кассете, и доставляется вам в каюту. Кассету комплектует медблок, а выдаёт и доставляет…

— Канцелярия командующего флотом.

— Да.

— Кто расписывается?

Таш полистал.

— За комплектацию — дежурный фельдшер медблока. За выдачу — делопроизводитель канцелярии. За доставку — вестовой. Три подписи на каждую кассету, генерал. Всё как положено.

Три подписи. Шесть недель, двадцать девять кассет, восемьдесят семь подписей — и ни одной лишней бумажки. Если бы я проектировал такую систему, я бы сделал ровно так же: много участников, у каждого своя маленькая законная операция, и никто не видит целого.

— А кто комплектует саму кассету? Физически. Руками.

— Фельдшер берёт назначение из карты и собирает капсулы по списку. — Таш поднял голову. — Генерал, назначение из карты. Если в карте стоит клотамид, фельдшер положит клотамид и будет прав.

— Проверьте карту.

Он уже проверял, я видел это по тому, как быстро он нашёл нужное.

— В карте его нет, — сказал Таш. — В карте только препарат от давления. — Он помолчал. — Значит, капсулы в кассету клали отдельно. После медблока.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел в белый потолок медотсека.

Та же канцелярия, которая перенесла дозаправку флота. Та же, которая отменила патрулирование Щебня три дня назад. Та же, чьё название стояло в недописанной строке рапорта, после слова «лично».

Никто не прокрадывался ночью с иглой. Всё шло по накладным. Кассета, подпись, доставка в каюту, роспись о получении. Шесть недель человека убивали через документооборот, и каждая отдельная операция в этой цепочке была совершенно законной.

Я вдруг понял, что мне не страшно. Мне холодно и очень интересно, а это, наверное, ещё хуже, чем страшно.

— Лейтенант, — сказал я. — Слушайте внимательно. Никто об этом не знает. Никто и не узнает.

Таш поднял голову.

— Генерал, я обязан внести результат в карту. Это медицинская запись, она уходит отдельным каналом, я не могу её не…

— Внесите, — сказал я. — Внесите честно. Что именно вы обязаны внести?

Он растерялся.

— Результат анализа. Концентрацию. Предварительный диагноз.

— Предварительный диагноз ставите вы?

— Я.

— Что в нём обязано быть?

Таш помолчал. Потом очень медленно сказал:

— Нарушение сердечного ритма неуточнённого происхождения. Обследование продолжается.

— Это правда?

— Это… да. Это правда. Обследование действительно продолжается, потому что я не знаю источника поступления. — Он поморщился, как от зубной боли. — Генерал, формально я буду прав. Фактически я буду скрывать отравление командующего флотом. Если вы умрёте, комиссия поднимет анализ, увидит клотамид, увидит дату и спросит, почему лейтенант Таш шесть дней писал «неуточнённого происхождения». И я на это отвечу, что генерал меня попросил. А генерала уже не будет.

Я мог бы сказать ему, что всё обойдётся. Это было бы удобно и быстро.

— Да, — сказал я. — Именно так и будет.

Он моргнул.

— Вы могли бы соврать, — сказал он.

— Мог бы. Но тогда вы бы потом вспоминали, что я соврал, а у меня тут и так немного людей. — Я встал. — Я прошу вас об этом, лейтенант, а не приказываю. Если вы откажетесь, я не буду вас наказывать и не буду плохо о вас думать. Но я объясню, почему прошу. Если это уйдёт в карту сегодня, завтра утром это будет в сводке. Послезавтра меня отстранят, потому что командующий с подтверждённым отравлением — это командующий, которого отстраняют. Флот примет коммандер Кастен. Она прекрасный офицер и будет воевать по Уставу. Через сутки Устав приведёт её в Щебень, где её ждут триста кораблей. Вот и всё, что произойдёт.

Таш смотрел на меня снизу вверх.

— А ещё, — добавил я, — тот, кто это сделал, узнает, что мы нашли препарат. И в следующий раз сделает иначе. А следующий раз точно будет, потому что первый не сработал. Пока он думает, что у меня слабое сердце и неудачный день, он ждёт. Пусть ждёт.

— Хорошо, — сказал Таш.

— Хорошо?

— Хорошо, генерал. Я напишу «неуточнённого происхождения». — Он криво усмехнулся. — Я всё равно уже три часа как соучастник, с того момента, как не отправил экстренное уведомление сразу.

— Почему не отправили?

— Потому что хотел сначала поговорить с вами. — Он пожал плечами. — Нас учат, что сначала говоришь с пациентом.

Я вдруг почувствовал к этому парню в слишком широком халате что-то совершенно непрофессиональное.

— Три вещи, лейтенант. Первое: кассету с суточным комплектом я вам сегодня принесу, и вы её проверите, но содержимое менять не будете. Я продолжу её принимать.

— Генерал…

— Девять дней у меня есть в любом случае, а человек, который перестал глотать свои капсулы, виден сразу. Второе: тихо проверьте, нет ли клотамида ещё у кого-нибудь на борту. Начните с тех, кто принимает суточные комплекты из той же канцелярии. Третье: никому. Включая коммандера Кастен.

Таш кивнул три раза, на каждый пункт.

— И ложитесь, — сказал он. — Полчаса под капельницей. Это не противоядие, это просто поддержка ритма, но полчаса вы мне должны.

Спорить было бессмысленно. Я лёг.

Потолок медотсека был ровный, белый и совершенно пустой, и поэтому на нём очень хорошо думалось.

«Сейв. Открой девятнадцатую статью. Пункт четыре».

Текст развернулся перед глазами.

«Требования настоящей статьи не распространяются на корабли, находящиеся в аварийном режиме, а также на корабли, выполняющие ремонтный протокол, предусматривающий отключение соответствующих систем».

Я читал это уже третий раз за день и каждый раз упирался в одно и то же: искин проверяет датчики, датчики говорят, что корабль цел. Чтобы получить право молчать, нужна неисправность. Чтобы получить неисправность, нужно соврать датчикам.

И только теперь, лёжа на спине с иглой в вене, я понял, что всё это время решал не ту задачу.

Я думал, как обмануть проверку. А проверку не надо обманывать. Условие надо выполнить.

Мне не нужна ложная неисправность. Мне нужен настоящий ремонт.

«Сейв. Есть регламентные работы, при которых активные сенсоры отключаются по-настоящему? Не аварийно. Планово».

«Да. Регламент Р-четыре: замена и калибровка контуров активного сканирования. Мачта активных сенсоров обесточивается полностью. Длительность от трёх до шести часов в зависимости от класса корабля».

«Связь с сетью флота при Р-четыре?»

«Сворачивается до дежурного канала малой мощности. Корабль в Р-четыре считается выполняющим ремонтный протокол и под действие статьи девятнадцать не подпадает».

Я лежал и смотрел в белый потолок, и впервые за этот бесконечный день мне захотелось засмеяться по-настоящему.

«Сколько кораблей флота просрочили Р-четыре?»

Пауза. Короткая — Сейв просто считала.

«Три тысячи двести семьдесят один корабль. Шестьдесят пять процентов флота. Регламент сорван из-за неполной поставки контуров активного сканирования за последние два квартала».

Контуры. Запасные контуры щитов и сканирования. Третья строка в таблицах недописанного рапорта.

Кто-то украл у флота запчасти, и из-за этого две трети кораблей официально, по бумагам, просрочили обязательное обслуживание. Теперь я мог приказать провести его прямо сейчас. Законно. По Уставу. С занесением в журнал. Против воровства не попрёшь.

— Лейтенант, — сказал я вслух. — У вас тут можно смеяться?

Таш оглянулся от стола.

— Если недолго и не напрягаясь.

«Сейв. Готовь приказ. Регламент Р-четыре, флот, кроме лёгких сил коммодора Вейр. Начало — по моей команде. Проверь формулировку так, чтобы ни одно корабельное ядро не задало ни одного вопроса».

«Приказ соответствует Уставу-ядру, — сказала она через несколько секунд. — Возражений от ядра не будет. Командующий, я обязана назвать цену».

«Называй».

«Корабли в Р-четыре действительно слепы. Это не имитация. Восстановление активного сканирования занимает от трёх до шести часов, и ускорить его нельзя. Если противник появится в этот период, флот встретит его без активных сенсоров».

«Понял».

«Вы приняли это к сведению или приняли решение?»

«Решение».

«Принято».

Капельница допищала и отключилась сама. Таш вытащил иглу, прижал ватой и отпустил меня, взяв слово, что я вернусь через шесть часов.

В каюту я зашёл по дороге на мостик.

Кассета лежала там, где, видимо, лежала всегда: в верхнем ящике стола, плоская серая коробочка размером с ладонь, с семью ячейками под крышкой. Четыре ячейки были пустые. В трёх оставшихся лежали капсулы, одинаковые, тускло-белые, ничем не примечательные.

Я долго смотрел на них.

Думать тут было особо не о чем. Я уже всё решил на капельнице, и решение было правильное: человек, который перестал принимать свои капсулы, виден за километр, особенно тому, кто эти капсулы считает. Но одно дело — решить, и совсем другое — стоять над открытой коробкой.

«Командующий, — сказала Сейв. — Можно вопрос?»

«Можно».

«Зачем вы это делаете?»

«Чтобы он не понял, что я понял».

«Я спрашиваю не об этом. Доза на двадцать четыре часа ускорит процесс примерно на три десятых суток. Это семь часов из девяти. То есть вы меняете семь часов собственной жизни на то, чтобы в канцелярии кто-то продолжал ставить галочку».

Я взял капсулу двумя пальцами. Лёгкая. Почти ничего не весит.

«У меня нет девяти суток, Сейв. У меня есть тридцать часов. Если я их выиграю, девять суток я как-нибудь найду. Если проиграю — считать будет некому».

«Это рациональное объяснение».

«Тебя оно не устраивает?»

«Меня устраивает любое объяснение, которое вы можете произнести вслух. Я регистрирую несоответствие другого рода: за одиннадцать лет вы семнадцать раз пропускали приём, потому что забывали. Сегодня вы впервые принимаете препарат сознательно».

Я проглотил капсулу, запил водой из-под крана и закрыл коробку.

«Это называется ирония».

«Я знаю, как это называется. Я просто не уверена, что вам смешно».

Она была права, но признавать это вслух я не стал.

Кассету я отнёс Ташу сам. Он взял её, посмотрел на меня, посмотрел на пустую четвёртую ячейку и ничего не сказал. Потом ушёл к анализатору и вернулся через десять минут.

— Ваш препарат от давления, — сказал он. — И клотамид. Триста микрограмм в каждой. В одной капсуле. Их не кладут отдельно, генерал. Их пересобирают.

Пересобирают. Кто-то вскрывал капсулу, добавлял порошок и закрывал обратно. Двадцать девять раз. Каждую неделю, аккуратно, одним и тем же количеством.

— Верните, — сказал я. — И положите в карту: обследование продолжается.

Сейв помолчала, пока я поднимался на мостик.

«Командующий, я обязана внести ещё одно уточнение. В тактическую модель».

«Вноси».

«В случае остановки вашего сердца в бою командование переходит к коммандеру Кастен. Подтверждение её полномочий перед искинами флота занимает около сорока секунд. В эти сорок секунд корабли выполняют последний полученный приказ и не адаптируются к обстановке».

Я лежал неподвижно и смотрел в белый потолок.

В углу зрения, под отсчётом до контакта, загорелась вторая строка. Бледнее первой, с честным знаком допуска: 9 суток ± 3.

Сорок секунд. Тот самый баг, который Полуночник вскрывал в каждом своём бою.

Только теперь он был не в Уставе. Он был у меня в груди.

Глава 5. Ночной патч

Флот снялся с орбиты Ириса в девятнадцать сорок.

Я смотрел на это из кресла и не мог отделаться от ощущения, что меня обманывают. В игре флот из пяти тысяч единиц снимается с места мгновенно: ты обводишь рамкой, тыкаешь в точку, и вся масса трогается одновременно. Здесь на одно только построение ордера ушло пятьдесят минут. Корабли выходили группами, по дивизиям, каждая со своим интервалом, и сфера наливалась голубым медленно, как вода поднимается в шлюзе.

Зато когда они пошли, это было красиво.

— Красиво, — сказал я вслух, не подумав.

— Пятьсот восемьдесят шесть тысяч человек, — отозвалась Кастен, не поднимая головы от планшета.

— Я помню, Ирма.

— Я знаю, что помните. Я просто говорю вслух, чтобы и дальше помнили.

Она была права, и это раздражало именно потому, что она была права.

Тиль рос в обзорных экранах почти час. Сначала он занимал четверть неба, потом половину, потом перестал помещаться целиком, и остались только полосы — охряные, ржавые, тёмно-кирпичные, медленно ползущие каждая в свою сторону. Флот входил в колодец по касательной, длинной пологой дугой, с той стороны, которая смотрела прочь от Дальнего узла. Расход топлива по расчёту Сейв вышел даже меньше, чем она давала: Брандт не соврал, планета тянула и помогала.

В двадцать один ноль пять последний корабль занял своё место на средней орбите.

— Начинайте, — сказал я.

«Регламент Р-четыре. Флот, кроме лёгких сил коммодора Вейр. Исполнять», — передала Сейв.

На этот раз всё произошло быстро. Голубые отметки в сфере одна за другой меняли цвет на блёклый серо-голубой: корабль обесточил мачту активного сканирования, корабль свернул связь до дежурного канала, корабль ушёл в ремонт. Триста. Восемьсот. Две тысячи. Сфера на глазах гасла, и это выглядело так, словно флот умирает по частям.

Ни одно ядро не задало ни одного вопроса. Всё было по Уставу. Корабли честно выполняли просроченное обслуживание, и в журнале технического состояния каждого из них появлялась запись, под которой не стыдно было поставить подпись.

— Сработало, — тихо сказала Кастен.

— А вы сомневались?

— Я до сих пор сомневаюсь, что это законно.

— Это законно, — сказал я. — В этом вся прелесть. Нас накажут за многое, но не за то, что мы вовремя поменяли контуры.

Она посмотрела на меня искоса.

— Вы сказали «нас».

— Привыкайте.

Флот, впрочем, оценил мой юридический талант не сразу.

Первым на связь вышел командир третьей дивизии, коммодор по фамилии Дарн, которого я до этого видел только голограммой на совещании. Голос у него был густой и обиженный.

— Генерал, разрешите уточнить. У меня восемьсот сорок кораблей в тридцати часах от боя разбирают сенсорные мачты.

— Правильно поняли, коммодор.

— Я понимаю букву. Я не понимаю смысла.

— Смысл в том, что корабль, выполняющий регламент, не обязан светить активным сканером и держать непрерывную связь. Мы прячемся, коммодор. Легально.

Пауза.

— Мы прячемся, — повторил Дарн. — Весь флот.

— Весь флот.

— Генерал, за двадцать шесть лет службы я ни разу…

— И я ни разу, — сказал я. — Выполняйте.

Он отключился, и я был совершенно уверен, что в своём штабе он сейчас говорит обо мне что-то содержательное.

Таких разговоров было ещё четыре. Кастен взяла на себя три из них, и, судя по тому, что они длились по полторы минуты, разговаривала она лучше меня.

— Что вы им говорите? — спросил я.

— Что приказ законный, а командующий своих решений не объясняет. — Она пожала плечами. — Это чистая правда, генерал. Вы их не объясняете.

— Я объясняю.

— Вы объясняете мне. Это не одно и то же.

Я открыл рот, чтобы возразить, и закрыл. Она была права во второй раз за десять минут, и это начинало утомлять.

Дальше началась работа, ради которой я, кажется, сюда и свалился.

Устав-ядро я трогать не мог. Это я понял ещё утром: ядро — это система, которую утверждает Совет Двенадцати, и любая попытка в неё влезть упиралась в такую стену согласований, что проще было бы уговорить пиратов разойтись. Но внутри ядра у командующего оставалось маленькое законное окно: собственные тактические шаблоны.

Шаблон — это заготовленный кусок поведения. «Построение клином». «Отход с прикрытием». «Сосредоточение огня по головной цели». Флот ими и жил: командующий выбирал шаблон, ядро раскладывало его на пять тысяч кораблей, каждый корабль знал своё место. Командиру разрешалось писать свои шаблоны, их проверяло ядро, и, если они не противоречили Уставу, они становились такими же рабочими, как стандартные.

Все писали свои шаблоны. Я посмотрел библиотеку флота: за последние десять лет штаб Кальдеры добавил к стандартным сорок восемь собственных. Сорок три из них были слегка переставленными стандартными. Пять — честными попытками что-то улучшить, довольно робкими.

Никто не писал шаблоны, рассчитанные на чужое ядро.

А я весь день только этим и занимался.

Я развернул редактор прямо в кресле, кругом по подлокотникам, и первые десять минут просто смотрел на него. Интерфейс был непривычный, объектный, с деревом условий и ветвлениями, но под этим деревом лежала обыкновенная логика, та самая, которую я читал и писал двадцать лет. Условие. Действие. Проверка. Исключение.

— Сейв, — сказал я. — Подстрахуешь по синтаксису?

«Я подстрахую по синтаксису, по Уставу и по здравому смыслу. По последнему пункту не обещаю».

Начал я с приманки.

Первый баг, который я нашёл утром: угроза считается по массе, энергосигнатуре и дистанции. Самая большая и яркая отметка получает первой. Это разумно, если ты честный флот, который стреляет в честного врага. И это чудовищно, если напротив тебя кто-то, кто умеет делать яркие отметки.

Я и собирался их делать.

— Что у нас есть лишнего? — спросил я вслух, когда Кастен поднялась ко мне с ревизией. — Корпуса. Старьё. То, что не жалко.

— Не жалко у нас ничего.

— Ирма.

Она вздохнула и открыла список.

— Семнадцать транспортов класса «Короб», списанных в прошлом году и до сих пор не разобранных. Стоят на дальней стоянке у Ириса. Девять старых корветов проекта «Стриж-два», сняты с вооружения, используются как буксиры. Четыре трофейных рейдера, взятые у пиратов три года назад, стоят без двигателей. И двадцать один грузовой лихтер.

— Экипажи?

— На «Коробах» по два человека дежурной вахты. Остальное на удалённом управлении.

— Отлично. Снимаем людей, ставим на буксир, тащим с собой.

Кастен посмотрела на список, потом на меня.

— Генерал, это полсотни корыт без хода и без оружия.

— Это полсотни линкоров, — сказал я. — Если правильно их покрасить.

Покрасить, разумеется, надо было не корпус.

Идея была простая. Корабельный искин оценивает угрозу по трём вещам, и только одна из них — настоящая масса. Две другие — энергосигнатура и дистанция. Дистанцию я подарить не могу. А вот сигнатуру можно сделать любую.

На каждом флоте есть генераторы помех, маяки, аварийные ретрансляторы и испытательные стенды для настройки щитов. Всё это умеет излучать много и громко. Если взять мёртвый транспорт, напихать в него маяков и стендовых эмиттеров, настроить их на профиль линейного корабля и включить в нужную секунду, то на чужих сенсорах возникнет жирная, горячая, очень аппетитная отметка с энергетикой линкора.

— Сколько они продержатся? — спросила Кастен.

— Секунд тридцать. Может, полторы минуты.

— И что нам дадут полторы минуты?

— Полторы минуты, в течение которых от восьмисот до тысячи двухсот кораблей противника будут стрелять в пустую коробку, — сказал я. — За это время настоящий линкор успевает перезарядить главный калибр дважды.

Кастен несколько секунд молчала.

— Я внесу это в заявку на расход имущества, — сказала она наконец. — Как «безвозвратные потери вспомогательных судов».

— Внесите как «расходники».

— Такой графы нет.

— Жаль.

Написать шаблон оказалось сложнее, чем придумать. Приманка работает только тогда, когда вокруг неё правдоподобно. Одинокая яркая отметка посреди пустоты — это не линкор, это ловушка, и любой искин, даже пиратский, задумается. Линкор должен идти в строю, прикрытый лёгкими кораблями, в правильном месте ордера, с правильной задержкой на манёвре. Пришлось описывать не только приманку, но и всё её окружение: какие корабли её сопровождают, как они реагируют, когда по ней открывают огонь, и — самое важное — как они расходятся за полсекунды до того, как её разнесут.

Я возился с этим четыре часа.

Где-то на третьем часу я поймал себя на том, что мне хорошо. По-настоящему, как не было с самого пробуждения. Я сидел в кресле, вокруг висел редактор, под рукой был отзывчивый искин, задача была злая и красивая, и всё остальное — чужое тело, чужое имя, яд, двадцать пять тысяч кораблей — отошло куда-то за край экрана. Я просто работал. Так я просидел однажды ночь перед финалом, перебирая дебюты, и это была лучшая ночь в моей жизни.

«Командующий, — сказала Сейв, — ваш пульс девяносто восемь. За последние три часа вы ни разу не меняли позу».

«Мне хорошо».

«Я заметила. Это и беспокоит».

Шаблон я назвал «Жирная цель». Ядро проверяло его одиннадцать минут и приняло без замечаний.

Потом был второй.

Второй баг: восстановление строя. Когда флот теряет корабли, ядро закрывает бреши симметрично, чтобы сохранить геометрию. Выбей несколько кораблей на правом фланге — и весь строй чуть сдвинется вправо, компенсируя. Это заложено глубоко, это общее для всех имперских ядер, и — я проверил записи боёв — у пиратов, воюющих на трофейных имперских корпусах с трофейными имперскими искинами, работает точно так же.

То есть я мог тянуть часть их строя, как скатерть со стола. Не весь. Только те их соединения, которые собраны из наших бывших кораблей. По записи у Сариса таких у Полуночника было примерно четверть.

Четверть от двадцати пяти тысяч — это шесть тысяч кораблей, которые можно двигать чужими руками.

Этот шаблон я назвал «Скатерть» и провозился с ним ещё два часа. Ядро отклонило его дважды, оба раза по формальности: я пытался задать флоту манёвр, в котором часть кораблей временно уходила из зоны плотного огня, а Устав считал такое уклонением от боя. Пришлось переписывать условие так, чтобы манёвр формально оставался атакой с охватом. Содержание не изменилось. Изменилась формулировка.

«Принято», — сказала Сейв на третий раз.

«Знаешь, что самое смешное? Я не поменял ни одного действия. Я поменял название».

«Я знаю. Я наблюдала».

«И что ты об этом думаешь?»

Она ответила не сразу.

«Я думаю, командующий, что за одиннадцать лет вы ни разу не переписывали шаблон. Вы выбирали из готовых. Все выбирают из готовых».

«Почему?»

«Потому что написанный командиром шаблон попадает в журнал под его именем. Если бой проигран, комиссия разбирает каждую строку. Стандартный шаблон утверждён Советом, и за него отвечает Совет. Свой шаблон утверждаете вы».

Я посмотрел на свои два аккуратных файла, лежащих в библиотеке флота под именем Галактионова.

«То есть писать свои шаблоны никто не запрещает, просто все боятся».

«Да».

«Это самая имперская вещь, которую я сегодня слышал».

Третий шаблон я писал злее всего, потому что он был обещанием.

На совещании Вейр спросила: а если они придут в ночной цикл, как у Хорна? Я сказал, что подумаю. Я сказал это тем тоном, каким отвечают на неудобные вопросы, чтобы перейти к следующему, и весь день чувствовал себя из-за этого неуютно.

Устав требовал, чтобы экипажи отдыхали. Это было правильное требование: человек без сна воюет хуже, чем человек со сном, и флот, который не спит трое суток, проигрывает сам себе. Каждые корабельные сутки треть экипажа уходила в ночной цикл, и поднять её без объявления боевой тревоги было нельзя.

А боевую тревогу объявляли только при подтверждённой угрозе.

Вот в эту щель Полуночник и влез у Хорна. Угроза не подтверждена, значит, тревоги нет. Тревоги нет, значит, треть людей спит. Пока сигнал пройдёт по цепочке и превратится в подтверждение, пройдёт восемь минут, а за восемь минут можно успеть очень много.

Починить это в Уставе я не мог. Устав разрешал поднимать людей только по тревоге.

Зато Устав ничего не говорил о том, когда именно у кого ночной цикл.

— Сейв, — сказал я. — Цикл отдыха задаётся по флоту централизованно?

«Да. Единое время для всех соединений. Пункт установлен для согласованности ротаций и учёта».

— А если каждый корабль будет спать в своё время?

«Устав этого не запрещает. Устав требует восемь часов отдыха на треть экипажа в сутки. Распределение внутри суток отнесено к компетенции командующего».

Я сел ровнее.

Это была даже не дыра. Это была дверь, которую никто не открывал, потому что все привыкли ходить в окно.

Я разбил флот на двенадцать групп и развёл их циклы отдыха по часу. В любой момент времени одиннадцать групп из двенадцати были в полной готовности, а спала только одна. Общая норма отдыха не менялась ни на минуту: каждый человек получал свои восемь часов, просто не одновременно с остальными. Учёт усложнялся примерно в двенадцать раз, и я заранее знал, что интенданты меня проклянут.

— Цена? — спросил я.

«Усложнение ротаций и снабжения. Кормить флот придётся непрерывно. Камбузы будут работать круглосуточно».

— Переживут.

«Коммандер Кастен может заметить, что согласованность пострадает».

— Коммандер Кастен заметит. Коммандер Кастен всегда замечает.

Шаблон я назвал «Побудка». Ядро приняло его за четыре минуты, без единого возражения, и это меня даже слегка разочаровало.

Кастен действительно заметила. Она поднялась ко мне с планшетом минут через двадцать, посмотрела на схему циклов, потом на меня.

— Это ответ коммодору Вейр, — сказала она.

— Да.

— Вы сказали, что подумаете, и подумали.

— Это обычно так и работает.

— Генерал, — сказала она, — за девять лет вы ни разу не отвечали на вопрос, заданный на совещании, в ту же ночь. Обычно через неделю. Иногда через месяц.

— Раньше у меня была неделя.

Она посмотрела на меня ещё секунду, кивнула и ушла, и я понял, что опять сказал что-то не то.

В третьем часу ночи ко мне поднялся Брандт. Прилетел, разумеется, лично.

— Я видел, что вы не спите, — сказал он, устраиваясь в соседнем кресле. Кресло было ниже, и он в нём почти утонул. — Решил тоже не спать.

— Вам положено.

— Мне шестьдесят три, генерал. Мне ночью всё равно не спится, а на мостике хоть люди.

Я вывел ему схему. Не всю, часть: расположение, приманки, предполагаемую линию подхода колонны. Брандт смотрел долго, шевеля сухими губами.

— Выдох, — сказал он наконец.

— Выдох.

— А если они придут не в выдох?

— Тогда будем драться без выдоха, — сказал я. — Но я работаю над тем, чтобы пришли вовремя.

— Как?

— Пока не знаю. Знаю, что надо.

Брандт покивал.

— Вы изменились, — сказал он.

Я похолодел. Это было третье за день.

— В чём?

— Раньше вы бы мне сейчас рассказали, как именно собираетесь их подгадать. С цифрами, с тремя запасными вариантами, и я бы ушёл спать успокоенный. — Он усмехнулся сухими губами. — А вы сказали «пока не знаю». Двадцать два года назад вы тоже так говорили. На «Скромном». Потом перестали. Теперь опять начали.

— И как вам?

— Мне страшнее, — сказал Брандт. — И лучше.

Он помолчал, глядя на схему.

— Можно старику сказать одну вещь? Не по службе.

— Говорите.

— Вы раньше считали потери заранее. Всегда. Перед любым выходом вы спрашивали у штаба цифру, смотрели на неё и только потом подписывали. Мы думали, что вы перестраховщик. — Брандт поскрёб лысину. — Сегодня вы ни разу не спросили.

Я почувствовал, как внутри холодеет.

— А надо?

— Не знаю, — честно сказал Брандт. — Может, и не надо. Вы быстрее стали, это видно. Но вы на людей не смотрите, генерал. Вы на схему смотрите.

Он выбрался из кресла, долго и с кряхтением.

— Я не в упрёк. Я к тому, что когда начнётся, вам кто-то должен будет называть цифру вслух. Если никто не вызовется — я вызовусь.

Он ушёл в четвёртом часу, а в начале пятого Сейв сказала то, из-за чего я окончательно забыл про сон.

«Командующий. Я фиксирую нештатный факт».

«Говори».

«В двадцать три ноль семь, через два часа после начала регламента Р-четыре, с одного из кораблей флота был излучён направленный сигнал малой мощности. Длительность — одна целая четыре десятых секунды. Направление — внутренняя кромка Щебня».

Я сел прямо.

«Источник?»

«Не установлен. В момент передачи три тысячи двести семьдесят один корабль находился в ремонтном протоколе с обесточенными мачтами активного сканирования. Сеть флота работала на дежурных каналах малой мощности. Триангуляция невозможна».

Я закрыл глаза.

Я сам это сделал. Я своими руками отключил флоту глаза ровно настолько, чтобы внутри него можно было безнаказанно поговорить с противником. Кто-то очень хорошо знал, что я собираюсь делать и когда.

«Кто знал о времени начала Р-четыре?»

«Приказ готовился мной по вашему распоряжению в восемнадцать десять. Рассылка по флоту — двадцать один ноль пять. В промежутке содержание приказа было доступно вам, коммандеру Кастен, коммодору Вейр, коммодору Ойсту, командирам дивизий и дежурной смене связи флагмана».

Человек тридцать. Прекрасно.

«Содержание сигнала?»

«Не перехвачено. Одна целая четыре десятых секунды — это очень мало. Для текста достаточно. Для координат более чем достаточно».

Полторы секунды. Столько нужно, чтобы передать три числа.

«Сейв. Сделай так, чтобы в следующий раз мы его взяли. Не мешай ему. Не блокируй. Просто будь готова».

«Для триангуляции нужны три приёмника с синхронизацией по времени, работающих на полной мощности и не связанных с сетью флота. Лёгкие силы коммодора Вейр в регламент не включены».

«Поставь три её корвета. Скажи Вейр, что это задача по калибровке навигационных маяков. Никому больше».

«Принято. Командующий, замечание».

«Давай».

«Коммодор Вейр узнает, что вы скрываете задачу от штаба».

«Коммодор Вейр не задаёт вопросов, когда ей дают играть с приборами».

«Вы знакомы с ней один день».

«Я знаком с такими людьми двадцать лет».

В половине шестого ко мне поднялся Таш. Поднялся на мостик, в своём широком халате, с планшетом, и половина вахты проводила его глазами: медик на мостике ночью — это всегда что-то значит.

— Плановый осмотр командующего, — громко сказал он, и получилось у него на удивление естественно.

Он сунул мне под воротник датчик и, пока прибор считал, наклонился и заговорил очень тихо.

— Я проверил, генерал. Семьдесят два человека на флагмане получают суточные комплекты через ту же канцелярию. Я прогнал всех, у кого за последние два месяца брали кровь. Клотамид только у вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.